

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 31

ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1978

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 31

ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1978

ГОД ИЗДАНИЯ – ШЕСТОЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе
Редакционная коллегия: Эдвард Клайн
Павел Литвинов
Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

"Хроника защиты прав в СССР" не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE
Editorial Board: EDWARD KLINE, New York
PAVEL LITVINOV, New York
London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1978 by: KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Сообщения	4
Осуждены Гинзбург, Щаранский, Пяткус	5
Свидание с Юрием Орловым	18
Осужден Александр Подрабинек	20
Предупреждение Сахарову	25
Сахаров о московской Олимпиаде 1980 года	29
В защиту Болонкина	30
Самосожжение крымского татарина	31
О лагерной медицинской службе	32

* * *

В защиту С. Ковалева	34
Математический конгресс в Хельсинки. Интервью с проф. Л. Берсом	41
<i>Л. Алексеева</i> . Об организационных формах движения инакомыслящих	48
<i>С. Каллистратова</i> . В защиту А. Подрабиника	55

Некролог

Анатолий Яacobсон	66

Документы юридической практики

Дело Владимира Слепака	68

Библиография

Поступления Самиздата	72
Указатель имен	76

СООБЩЕНИЯ

Приговорены

В Москве:

Анатолий Щаранский приговорен 13 июля по ст. ст. 64 ("измена родине") и 70 ("антисоветская агитация и пропаганда") УК РСФСР к 13 годам заключения – 3 годам тюрьмы и 10 годам лагеря строгого режима. В настоящее время находится во Владимирской тюрьме (см. стр. 5-15).

Александр Подрабинек приговорен 15 августа по ст. 190-1 УК РСФСР к 5 годам ссылки (см. стр. 20-24, 55-65).

Мария Слепак приговорена 26 июля по ст. 206 ч. 2 ("злостное хулиганство") УК РСФСР к 3 годам ссылки условно.

В Калуге:

Александр Гинзбург приговорен 13 июля по ст. 70 УК РСФСР к 8 годам лагерей особого режима (см. стр. 5-17).

В Вильнюсе:

Викторас Пяткус приговорен 13 июля по ст. 70 УК РСФСР к 10 годам заключения (из них 3 годам тюрьмы и 7 годам лагеря особого режима) и 5 годам ссылки (см. стр. 5-15).

* * *

♦ В июле выехал из СССР Александр Зиновьев. Получил разрешение на поездку в Швецию Сергей Поликанов.

♦ По окончании срока заключения этапированы в ссылку Габриэль Суперфин (адрес: Казахская ССР, Тургайская обл. Джангильдинский район, пос. Тургай, до востребования) и Михаил Хейфец (адрес: Павлодарская обл., г. Ермак, ул. Лермонтова, д. 6).

♦ По концу срока освобожден из ссылки Анатолий Марченко.

ОСУЖДЕНЫ ГИНЗБУРГ, ЩАРАНСКИЙ, ПЯТКУС

Документ № 56

Следующие один за другим жестокие приговоры членам Хельсинкских групп – не только личная трагедия осужденных, это также трагедия движения за права человека в СССР. На днях прозвучали новые жестокие приговоры: Анатолию Щаранскому – 13 лет лишения свободы: 3 года тюрьмы и 10 лет лагеря строгого режима; Викторасу Пяткусу – 10 лет лишения свободы (3 года тюрьмы и 7 лет лагеря особого режима) и 5 лет ссылки; Александру Гинзбургу – 8 лет лишения свободы в лагере особого режима.

Происходившие с 10 по 14 июля судебные процессы – над Анатолием Щаранским в Москве, над Викторасом Пяткусом в Вильнюсе, над Александром Гинзбургом в Калуге – были направлены не только на жестокое насильственное подавление правозащитного движения, в частности движения за выполнение в СССР гуманитарных обязательств, принятых правительством в Хельсинки. Они направлены также на моральную дискредитацию этого движения и его участников. Каждый из этих процессов имел кроме того свою особую цель:

– процесс Щаранского – создание истерии шпиономании вокруг борьбы за право на выбор страны проживания, запугивание участников, в особенности евреев, крайними мерами наказания;

– процесс Виктораса Пяткуса – дискредитация мирного национально-освободительного движения в Прибалтийских странах и запугивание всего населения этих стран;

– процесс Гинзбурга – опорочивание самой идеи помощи тем, кого преследует государство, помощи политзаключенным и их семьям; угроза лицам, осуществляющим и получающим эту помощь.

Так, *Анатолию Щаранскому*, одному из наиболее авторитетных борцов за право евреев на выезд в Израиль, вообще за

право на эмиграцию, независимо от национальности, вероисповедания и т.д., — наряду с обвинением в так называемой "анти-советской агитации и пропаганде" предъявлено необоснованное и нелепое в данном случае обвинение в шпионаже и измене родине, создающее особо напряженную атмосферу враждебности и подозрительности. С этой же целью процесс Щаранского связывается — советской прессой, радио и телевидением — с процессом обвиняемого в шпионаже и приговоренного к расстрелу Филатова, не имеющего никакого отношения ни к Щаранскому, ни к правозащитному движению.

Суровость статьи Уголовного кодекса, по которой обвиняется Щаранский, парадоксально сочетается с нелепостью и необоснованностью конкретно предъявленных ему обвинений, с вообще непротивозаконным характером инкриминируемых ему эпизодов и, наконец, с тем непропорционально большим вниманием, которое уделено на суде обсуждению вопросов на уровне бытовой сплетни (например, обсуждение значимости с точки зрения иудаистской религии обряда бракосочетания Щаранского). Главные инкриминируемые Щаранскому эпизоды его "шпионской" деятельности — составление и передача за кордоны страны списков "отказников" — лиц, длительно добивающихся и не получающих разрешения на выезд из страны, а также некая таинственная анкета, с которой Щаранский познакомился уже после ареста. Обвинение Щаранского целиком базируется на показаниях провокаторов Липавского и Цыпина. Именно их лжесвидетельства суд счел более убедительными, чем неоднократные публичные ответственные заявления Президента Картера об отсутствии какой-либо связи Щаранского с ЦРУ. В обвинительной речи прокурор не смог привести никаких доказательств приписываемых Щаранскому преступлений. Непрерывно упоминаемые на суде встречи Щаранского с иностранными корреспондентами, американскими сенаторами и конгрессменами, общественными деятелями — являлись абсолютно легальными, и попытки использовать их для обвинения — полностью противоречат букве и духу Заключительного Акта Хельсинки.

Процесс Щаранского является современной версией процесса Дрейфуса, с той разницей, что у Дрейфуса были реальные возможности защиты, полностью отсутствующие у Щаранского.

Уголовный процесс Анатолия Щаранского это, прежде всего, — удар по движению за право на выезд из страны, в особенности по еврейскому эмиграционному движению; в то же время это еще одна попытка опорочить еврейский народ в целом.

Викторасу Пяткусу, известному участнику молодежной литовской католической организации, отбывшему за это 16 лет заключения, пользующемуся неоспоримым моральным авторитетом, — наряду с обвинением в "антисоветской агитации и пропаганде", а заодно и в создании "антисоветской" "организации" — предъявлено обвинение в гомосексуализме и в растлении малолетних. Единственным свидетелем двух последних обвинений оказался доставленный на суд под стражей солдат, показавший, что — еще в 1973 году — В. Пяткусу удалось якобы соблазнить и растлить его. Имея в виду ту чрезвычайную слежку, которой подвергался В. Пяткус с момента своего освобождения, совершенно очевидно, что, если бы этот эпизод действительно имел место, В. Пяткус еще 5 лет назад был бы осужден по чисто уголовному обвинению.

Явно выступающая цель этого процесса — дискредитация мирного национально-освободительного движения в Литве, Латвии и Эстонии. По-видимому, именно для создания соответствующего резонанса и атмосферы непосредственно угрожающих репрессий всем, кто участвует и сочувствует этому движению, — на суд вызваны, в частности, в качестве свидетелей, хотя по существу многие из них вообще ничего не показали, — представители всех названных республик.

На процессе *Александра Гинзбурга*, бывшего узника совести (за попытки реализовать право на свободу слова и печати — 7 лет пробыл в заключении, в лагере строгого режима и в тюрьме), известного и пользующегося большим моральным авторитетом деятеля правозащитного движения в СССР, распорядителя основанного писателем — лауреатом Нобелевской премии А.И. Солженицыным Фонда помощи политзаключенным в СССР, широко осуществляющего эту помощь в течение нескольких последних лет перед арестом, формально обвиняемого по статье "антисоветская агитация и пропаганда", — основное время и внимание суда было уделено его моральной дискредитации и, заодно, опорочиванию других "диссидентов", в особенности бывших политзаключенных — узников совести. С этой

целью основным свидетелем на этом суде был сделан Градобоев, неоднократно осуждавшийся за различные уголовные преступления: кражу, подделку документов, порнографию (около 12 лет отбыл в заключении). Моральные суждения Градобоева, алкоголика Иванова и местного (г. Таруса) опустившегося и запуганного художника Хвощева в течение нескольких часов выслушивались судом; прокурор и судья интересовались, заходили ли в дом к Гинзбургу женщины, сколько постелей было в комнате и т.п. Заведомо ложные – легко опровергаемые наличными документами – показания некоего Левашова о том, что Гинзбург – “не работал”, использованы в приговоре. С той же целью – очернить Александра Гинзбурга – председатель суда (Сидорков) сделал клеветническое заявление присутствовавшим возле суда западным корреспондентам: по его словам, А. Гинзбург получил наказание меньше максимального по данной статье (ст. 70 ч. 2 УК РСФСР), потому что дал показания на А. Щаранского и Ю. Орлова. Следует, однако, отметить, что содействие следствию в приговоре не отмечено (хотя таковое обязательно отмечается, когда имеет место). В приговоре указано, что при определении наказания учтено то, что на иждивении А. Гинзбурга – двое малолетних детей. Действительная причина относительного смягчения приговора Александра Гинзбурга – могущего, однако, оказаться для него смертельным, так как он сильно болен – объясняется, по всей вероятности, очень большим вниманием к этому процессу общественности Запада.

Важно также отметить, что свидетели, дававшие на предварительном следствии по делу Щаранского и Гинзбурга не желательные следствию показания, – на суд не приглашены и не допущены. Не вызваны в суд и те, кто заявил о своем желании свидетельствовать – на суде – в их защиту. Так, на суд А. Гинзбурга не вызваны академик Андрей Сахаров, хорошо его знавший, член-корреспондент АН СССР С.М. Поликанов, известный писатель Георгий Владимов, известный деятель правозащитного движения, узник совести Сергей Ковалев, близко знающая Гинзбурга, бывшая его подельница Вера Лашкова и многие другие, настаивавшие на своем праве свидетельствовать об Александре Гинзбурге, как о человеке, и о правдивости инкриминируемых ему документов, в частности, документов Московской группы “Хельсинки”.

Важно отметить и особую обстановку, созданную властями в зале судебного заседания и возле суда. В зале — специально ангажированная (вход по специальным пропускам!) враждебно настроенная "публика", которой разрешались (по-видимому, даже поощрялись) открытые враждебные выпады в отношении подсудимого. Возле суда — сотни сотрудников госбезопасности и милиции, охраняющие здание и его окрестности от приехавших на суд друзей подсудимых. Эти охранники, в форме, с повязками дружинников и просто в гражданской одежде, неоднократно и нередко весьма выразительно подчеркивали свое издевательское отношение к подсудимым и к тем, кто, сочувствуя им, пришел к зданию. Никто из друзей и сочувствующих не был допущен на так называемые "открытые" судебные заседания, даже во время чтения приговора. Осуществлялись также акты дополнительного садизма: в зал суда над Анатолием Щаранским ни разу не была допущена его 70-летняя мать; в начале второго дня суда удалена из зала жена Александра Гинзбурга, ее, как и мать Щаранского, не пустили даже на чтение приговора. Госбезопасность и привлеченный ею "народ" нарочито глумился над женой подсудимого-осужденного. Хохотом, улюлюканьем и угрозами сопровождалась попытка друзей приветствовать увозимых в закрытых тюремных машинах ("воронках") подсудимых-осужденных.

* * *

На Белградской Конференции с предельной ясностью выявилось, что Советский Союз считает обязательным выполнение только выгодных для него статей Заключительного Акта Соглашения в Хельсинки и открыто нарушает гуманитарные статьи Хельсинкского Соглашения.

Теперь, спустя несколько месяцев после Белграда, преследование участников всех форм правозащитного движения в СССР достигло своего трагического кульминационного пункта.

Мы призываем правительства и глав всех стран — участниц Соглашения в Хельсинки решительно потребовать выполнения Советским Союзом добровольно принятых на себя в Хельсинки обязательств.

Мы благодарим всех, кто выступал и выступает в защиту Анатолия Щаранского, Александра Гинзбурга, Виктораса Пяткуса, Юрия Орлова и других уже осужденных или находящихся еще под арестом в ожидании суда правозащитников. И просим не ослаблять усилия в их защиту.

15 июля 1978 г.

Московская группа "Хельсинки":
Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов.

От Литовской группы "Хельсинки": *Она Лукаускайте-Пошкене, о. Каролис Гаруцкас, Эйтан Финкельштейн.*

От Грузинской группы "Хельсинки": *Исайя Гольдштейн.*

От Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях: *Леонард Терновский.*

От Комитета защиты прав верующих: *о. Глеб Якунин.*

От Инициативной группы защиты прав человека в СССР: *Татьяна Великанова.*

От советской Группы "Эмнести Интернешнл": *Георгий Владимов.*

ЗАЯВЛЕНИЯ ПРОТЕСТА

*Генеральному секретарю ООН
"Международной Амнистии"*

Всем международным организациям и людям, защищающим права человека, защищающим узников совести.

Обращение

13 и 14 июля закончились суды в Москве, Калуге и Вильнюсе. На длительные сроки заключения осуждены Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, Викторас Пяткус — члены групп содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР, люди исключительных человеческих качеств — мужества, честности, широкого и острого ума, отзывчивости и доброты,

имеющие большие заслуги в деле защиты прав человека и помощи преследуемым. Им предстоит каторжные лагеря с недостойным человека мучительским режимом голода, холода, непосильной работы, произвола и провокаций, Щаранскому предстоит также полтора года еще более страшной Владимирской тюрьмы. Гинзбург, Пяткус и Щаранский — мои друзья, я знаю семьи Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского, на долю которых выпало такое жестокое испытание. Сегодня, когда я обращаюсь к вам, защита Гинзбурга, Пяткуса и Щаранского воплощает в себе борьбу за права человека во всем мире.

Все три суда характеризовались отсутствием реального юридического разбирательства предъявленных обвинений — ложности объявленных клеветническими документов, якобы шпионского характера деятельности Щаранского. Так, Гинзбургу инкриминировались распространение книг Солженицына "Архипелаг ГУЛag" и Конквиста "Великий террор", описывающих преступления прошлого, и хранение "Хроники текущих событий", столь же точно и правдиво описывающей нарушения прав человека в настоящем, — но суд, не анализируя их содержания, объявил эти книги антисоветскими и клеветническими, тем самым солидаризовался с описанными в них преступлениями и нарушениями. Суд над Щаранским объявил доказательством его шпионской деятельности открытую статью американского корреспондента Тота, при составлении которой на самом деле не были использованы какие-либо секретные сведения. Да Щаранский и не мог располагать такими сведениями, ведя абсолютно открытый образ жизни диссидента и не работая в секретных учреждениях.

Суды характеризовались утонченным мучительством родных и близких подсудимых. Не только друзья подсудимых, но даже жена Гинзбурга и мать Щаранского не были допущены в зал суда на слушание дела и приговор, подвергнуты пытке многодневного ожидания на улице лицом к лицу с наглыми нарушителями гласности открытого судебного процесса.

Суды и жестокие приговоры Гинзбургу, Пяткусу, Щаранскому (так же как недавние процессы Орлова и других членов Хельсинкских групп) — кульминация нарушений прав человека за последние годы. Они преследуют своей целью запугать и сломить участников борьбы за права человека, за гласность,

за свободу убеждений и информационного обмена, за религиозную свободу, за важное ключевое право свободно покидать страну и возвращаться в нее.

Особое место занимает процесс Щаранского. Приговаривая Анатолия Щаранского к 13 годам заключения за несуществующую шпионскую деятельность, сообщая об этом в лживой и искаженной форме по радио, телевидению и в газетах, власти пытаются нанести удар по этому важнейшему праву, пытаются сломить еврейское движение за эмиграцию, запугать евреев, пытаются активизировать антисемитские настроения в стране. Не случайно незадолго перед последними процессами на одной из улиц Москвы появилась надпись: "Евреи — в гробы", не случайны антисемитские выкрики после приговора Гинзбургу. Я считаю, что есть глубокая аналогия дела Щаранского с делом Дрейфуса, потрясшим мир на рубеже нашего столетия.

В деле Гинзбурга — самоотверженного распорядителя Общественного фонда помощи политическим заключенным и их семьям, основанного Александром Солженицыным, — в особенности проявилось стремление властей пресечь возможности такой не контролируемой ими помощи, имеющей огромное значение для лишенных средств к жизни, гонимых и преследуемых людей, проявилась месть за связь с Солженицыным, ненавидимым властями за его бескомпромиссные разоблачения. Гинзбург осужден на 8 лет заключения особого — каторжного — режима. Он тяжело больной человек, отбывший в заключении 7 лет, и этот приговор — прямая угроза его жизни.

Викторас Пяткус ранее провел в заключении 16 лет. Сейчас он вновь осужден на 10 лет заключения — 3 года тюрьмы и 7 лет лагеря (особый режим) — и пять лет ссылки. В его деле то же циничное пренебрежение истиной, тот же дух мстительности и нетерпимости, те же фальсификации и лжесвидетельство. Процесс Пяткуса в особенности направлен против тех, кто выступает за религиозную свободу и национальные права народов Прибалтики.

Ту же цель подавления выступлений за национальные права украинского народа преследуют вынесенные в 1977 г. жестокие приговоры членам Украинской Хельсинкской группы и предстоящий суд над Левко Лукьяненко, ранее проведенным в заключении 15 лет.

Состоявшиеся процессы над членами Хельсинкских групп — вызов мировому общественному мнению, вызов правительствам, подписавшим Хельсинкский Акт, вызов всем, кто принимает участие в контактах с нашей страной. Реакция во всем мире на эти процессы показывает, что на этот раз власти СССР встретились с решительным повсеместным осуждением, которое им будет очень трудно игнорировать. Я считаю это очень важным, это дает нам надежду, что, если не ослаблять этих усилий, власти будут вынуждены рано или поздно отступить хотя бы в какой-то частичной степени.

Но прошедшие процессы, с их явной незаконностью и жестокостью, с издевательствами над родственниками, с подчеркнутым цинизмом всех действий властей, возможно, преследуют и другие далеко идущие внутри- и внешнеполитические цели. Можно предположить, что эти процессы предназначены для подрыва существующих усилий в области разрядки, затруднения переговоров о разоружении и, в дальнейшем, — компрометации борьбы за права человека, которая якобы вредит разоружению, для ослабления позиции сторонников разрядки и борьбы за права человека за рубежом, позиции сторонников разрядки в правящих кругах СССР. Повторяю, это не более чем мои предположения, которые, однако, кажутся мне заслуживающими внимания. Поэтому я хочу вновь подчеркнуть свою позицию по некоторым принципиальным вопросам. Я подчеркиваю приоритет проблем разоружения в общем комплексе целей разрядки. Я подчеркиваю практическую необходимость независимого решения текущих задач разоружения и международной безопасности и защиты прав человека. Вместе с тем, я убежден, что прочные и глубокие успехи в деле международной безопасности и международного доверия недостижимы без большей открытости общества, без свободы обмена людьми и информацией, без соблюдения прав человека.

Сегодня я призываю вас к самой широкой защите Анатолия Щаранского, Александра Гинзбурга, Виктораса Пяткуса, к защите Юрия Орлова и других осужденных и арестованных членов Хельсинкских групп, к защите всех узников совести.

15 июля 1978 года

Андрей Сахаров,
лауреат Нобелевской
премии Мира

Обращение

Нынешнее лето останется в памяти России черной страницей — лето политических судебных процессов в Москве, Тбилиси, Калуге, Вильнюсе, на Украине. Пренебрегая мировым общественным мнением, власть демонстрирует решимость искоренить в стране свободомыслие и все то, что называют борьбой за права человека. Основной объект расправы — Хельсинкские группы, собравшие неопровержимые доказательства того, что гуманитарные обязательства, принятые нашим государством, наши власти не выполняют и не собираются выполнять.

Суды, газеты, радио и телевидение цинично называют "антисоветскими клеветническими измышлениями" документы — правдивые свидетельства о грубейших нарушениях прав человека в нашей стране. Огласку этих документов обвинители квалифицируют как "антисоветскую деятельность", а в деле Щаранского как "измену родине".

Именно такие обвинения предъявлены Юрию Орлову, Александру Гинзбургу, Анатолию Щаранскому, Викторасу Пяткусу, Левко Лукьяненко, а также ранее осужденным членам групп "Хельсинки".

Вынесены жесточайшие приговоры, более тяжелые, чем те, которые наши суды выносят грабителям, насильникам и убийцам.

Подсудимые приняли на себя ответственность за подписанные ими документы, но виновными себя не признали. И суды не доказали их виновности.

Многие из нас стояли у зданий, где судили Орлова, Щаранского, Гинзбурга, Пяткуса. Ни для кого из друзей и сочувствующих не было места в зале суда. Не пустили туда иностранных корреспондентов. Ни мать Щаранского, ни жена Гинзбурга не были допущены даже на слушание приговора. Места для публики заполняли люди, входившие по особым пропускам. Во время заседания они создавали гнетущую атмосферу враждебности; им никто не мешал выкрикивать грубые оскорбления.

Ни одному из обвиняемых не разрешили прибегнуть к помощи иностранного адвоката; Пяткус и Щаранский вынуждены были вообще отказаться от защитников. Судьи, прокуроры грубо прерывали подсудимых. Все так называемое судебное следствие велось тенденциозно, необъективно.

За стенами судов милиция и многочисленные сотрудники КГБ в штатском (некоторые с повязками дружинников), а иногда и хорошо подготовленные группы "случайных прохожих" глумились над родственниками и друзьями подсудимых, угрожали, пытались провоцировать.

Мы призываем мировую общественность не ослаблять борьбы, которая развернулась вокруг этих процессов. Добиваться их пересмотра в условиях полной гласности и на основе международных соглашений о правах человека.

Речь идет не только о судьбах отдельных людей. Речь идет о противостоянии духовной стерилизации всего нашего общества.

Георгий Владимов, Сергей Поликанов, Елена Боннэр, Мальва Ланда, Лев Копелев, Татьяна Великанова, Александр Лавут, Виктор Некителов, Сара Твердохлебова, Борис Закс, Вера Лашкова, Наталья Федорова, Татьяна Осипова, Мария Петренко (Подъяпольская), Арий Мизякин, Владимир Рубцов, Руфь Боннэр, Эйтан Финкельштейн, о. Глеб Якунин, Виктор Дзядко, Раиса Лерт, Наум Мейман, Ирина Валитова-Орлова, Ольга Иоффе, Валерий Прохоров;

Сбор подписей продолжается.

Надежда Шатуновская, Валерий Ронкин, Сергей Хахаев, Владимир Гаенко, Юрий Гастев, Виктор Тимачев, Вячеслав Черновол, Татьяна Баева, Нина Лисовская, Иосиф Зисельс, Ирена Зисельс, Ирина Жолковская-Гинзбург, Людмила Гинзбург, Нина Строкатова, Юрий Гримм, Михаил Кукобака, Александр Иванченко, Светлана Павленкова, Владлен Павленков, Михаил Утецкий.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

1 сентября 1978 года после 10-дневного этапа мой муж Александр Гинзбург прибыл в лагерь особого режима в поселке Сосновка в Мордовии.

Сразу по прибытии местный сотрудник КГБ капитан Тюрин цинично заявил Гинзбургу, что будет шантажировать его тем, что он якобы давал показания на Щаранского, за что и получил срок меньше других. Действительно, накануне прибытия Гинзбурга в зону Тюрин выступил с этим грязным клеветническим заявлением перед заключенными особого лагеря, а заместитель начальника КГБ Дубравлага (Мордовских лагерей) капитан Трясоумов перед заключенными другого политического лагеря — на 19 лаготделении в поселке Лесном.

22 сентября мать моего мужа и я приехали к нему на свидание. По закону заключенным положено личное свидание до трех суток, однако, несмотря на то что у Гинзбурга нет никаких нарушений и взысканий, нам дали свидание только на одни сутки. Начальник лагеря майор Некрасов объяснил это тем, что "они еще мало знают Гинзбурга". На свидании я узнала от мужа, что ему не вручают письма ни от кого, кроме меня и нашего 5-летнего сына, что ему не разрешают иметь Библию. Камера, в которой находится мой муж и другие заключенные, настолько сырая, что по стенам течет вода и обваливается штукатурка. По камерам бегают мыши.

Заключенные лагеря обязаны работать по 8 часов в день, в том числе и в субботу. Они выполняют одну из самых тяжелых и вредных работ: шлифуют стеклянные пластинки (норма — 30 штук в день) для люстр. Работать приходится практически без респираторов (которые защищают легкие от стеклянной пыли), и пыль висит в воздухе в рабочей камере густым облаком. Руки изранены и постоянно находятся в песке и ледяной воде; и еще приходится поднимать груз до 10 кг.

Пища заключенных полностью лишена витаминов.

Недавно по лагерям был зачитан новый приказ о том, что заключенному полагается иметь вещей, в том числе книг, — не более 50 кг (даже на складе). Таким образом, заключенные будут, а долгосрочники уже лишены — права иметь в лагере свои книги и журналы.

Нас обыскивали и до, и после свидания, вскрывали все консервные банки, взрезали хлеб, проверяли нашу одежду. Мой муж не мог передать со мной ни одной строчки никому из друзей и близких. Но я передаю на волю его слова:

”19 месяцев прошло с того дня, когда около дома меня схватили сотрудники КГБ и, заломив мне руки, бросили в машину и отвезли в тюрьму. Все эти месяцы следователи КГБ (в особенности ст. лейтенант Саушкин) угрожали мне статьей ”Измена Родине” и высшей мерой наказания. Они распространяли обо мне грязные лживые сплетни, запугивали свидетелей, пытались шантажировать меня. Это продолжается и по сей день. Однако я хочу, чтобы все знали: мои друзья и я не совершали ничего противозаконного или преступного. Все, что мы говорили, — и я сейчас снова в этом убедился, — полностью соответствует действительности. Я прошу считать меня членом Хельсинкской группы и постараюсь содействовать ее работе, сколько будет в моих силах. Я лишен практической возможности помогать сейчас распорядителям Солженицынского Фонда, но я преклоняюсь перед их трудной самоотверженной работой, которая встречает полное сочувствие и понимание у заключенных особого лагеря. Я хочу передать мой низкий поклон моим друзьям, всем тем знакомым и незнакомым людям, кто поддерживал мою семью и меня в эти трудные для нас месяцы.

22 сентября 78 г.

Александр Гинзбург”

Записано мною по памяти.

Ирина Жолковская.

23 сент. 78 г.

СВИДАНИЕ С ЮРИЕМ ОРЛОВЫМ

Заявление

Мой муж, Юрий Орлов, с 4 августа находится в Уральском лагере № 35.

21 августа я получила с ним свидание в лагере.

В первый же день своего прибытия в лагерь Орлов заявил лагерному начальству, что он считает себя по-прежнему членом Московской Хельсинкской Группы и что здесь он находится не только как заключенный, но и как наблюдатель от Группы содействия.

Орлов мне рассказал, что, прибыв в лагерь, он сразу же заболел после тяжелого изнурительного этапа.

Про этап он рассказал следующее:

Этап труден для всех заключенных, для политических и для уголовников. Столыпинские вагоны, в которых перевозят заключенных, переполнены в полтора раза. В них скученность, теснота и нечем дышать. На дорогу в этап заключенным выдают селедку, хлеб и сахар, а воду дают только через 8-9 часов, хотя положено выдавать каждые четыре часа. В уборную выводят тоже через 8-9 часов. Один старик-заключенный не выдержал и пытался оправить нужду в пакет.

Перед отправкой на этап администрация Лефортовской тюрьмы не разрешила мне передать Орлову кружку для воды. Во время этапа он приспособился пить воду из полиэтиленового мешка.

Орлов сказал, что его поразила грубость и жестокость охраны, в особенности жестокость московского конвоя, который сопровождал его до Вятской пересылочной тюрьмы.

Он рассказал, что в пересылочных тюрьмах, в Вятке и в Перми, страшная бедность и грязь. Пить из общего бачка было просто невозможно. Одну ночь он провел без матраца и одеяла на голых нарах.

От станции Всесвятская до лагеря его сопровождал конвой из шести человек с автоматами и с собакой. Идти пришлось ночью, примерно километров шесть. Он совершенно выбился

из сил; от частых рывков лямки мешка оборвались, и только перед самым лагерем офицер приказал конвойным ему помочь.

Орлов рассказал, что в лагере он будет работать токарем по 8 часов каждый день, кроме воскресенья. Из заработанных денег ему будет разрешено тратить на ларек 5 рублей в месяц.

Орлов сказал, что собирается писать жалобу в Прокуратуру СССР о том, что лагерное начальство не имеет права наказывать заключенных за жалобы. Он сказал, что лагерное начальство относится к жалобам заключенных как к нарушению режима.

Он сказал, что также будет писать жалобу по поводу плохого питания.

Еще Орлов сказал, что перед этапом администрация Лефортовской тюрьмы отобрала у него его научные статьи, которые он написал в тюрьме. Он заявил лагерному начальству (а перед этим и Лефортовской администрации), что, если ему не возвратят его научные статьи, он объявит голодовку.

Я прошу друзей и знакомых моего мужа писать ему в лагерь.

Я обращаюсь с просьбой к ученым присылать Орлову в лагерь научные журналы.

Его адрес: 618810 Пермская область, Чусовской район, станция Всесвятская, учреждение ВС-389/35, Юрию Федоровичу Орлову.

1 сентября 1978

Ирина Орлова

Вскоре после свидания Юрий Орлов был переведен в 37 Пермский лагерь – *Ред.*

ОСУЖДЕН АЛЕКСАНДР ПОДРАБИНЕК

Заявление для прессы

15 августа московский областной суд приговорил Александра Подрабинека, обвиненного по статье 190-1 УК РСФСР, к 5 годам ссылки.

Основанием для вынесения приговора по этой статье является изготовление и распространение материалов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Таким материалом в данном случае следствие и суд пытались представить написанную Александром Подрабинеким книгу "Карательная медицина".

Книга убедительно доказывает, что в СССР существует система психиатрических репрессий, направленная на подавление инакомыслия. Безусловно, этот тезис порочит государственный и общественный строй, тем более что он подтвержден не только многочисленными фактами явного злоупотребления психиатрией в политических целях, но и анализом советского законодательства, которое фактически не обеспечивает защиты от подобных злоупотреблений.

Однако следствию и суду не удалось доказать, что этот тезис ложный. В деле имеются материалы, которые не опровергают, а, напротив, подтверждают основные выводы, сделанные в книге.

Следствие велось исключительно тенденциозно и преследовало всего лишь одну цель — поймать автора на неточностях и наказать за это. Своей же основной задачей — а именно расследованием злоупотреблений психиатрией — следствие принципиально не занималось.

В предисловии к своей книге Александр Подрабинек указал на тяжелейшие условия, в которых ему приходится работать. Он указывал на возможность неточностей и ошибок, но в то же время понимал необходимость скорейшей публикации книги. После появления предварительного варианта, он пытался внести в текст исправления в связи с выяснением дополнительных фактов. Это говорит о том, что никакой заведомой лжи в

книге не было. Большинство фактов было проверено и доказывало основные выводы книги, любой ложный факт мог лишь снизить убедительность доказательства указанных автором обстоятельств. Однако в книге оказались отдельные неточности, на них-то следствие и попыталось построить обвинение.

Была сделана попытка опровергнуть вывод о возможности безнаказанных убийств заключенных психбольниц. Но вот в случае с Дехничем, о котором в книге сказано, что он умер после того, как был избит санитаром, было показано лишь то, что он умер в больнице после операции. Это никак не опровергает ни факта избияния, ни факта смерти. Более того, свидетель Москальков – психиатр Сычевской СПБ – между прочим упомянул в суде о случае убийства заключенного в этой больнице.

Одним из обвинений против Подрабиника было то, что он в своей книге писал о Новочеркасской психиатрической больнице, причисляя ее к СПБ, в то время как она таковой не является. Но при этом следствие не отрицает факта существования спецпсихбольниц, и непонятно, почему причисление Новочеркасской психбольницы к СПБ порочит советский государственный строй.

По поводу же большинства фактов, приведенных в книге, следствие отделалось общими замечаниями об отсутствии избияний, о нормальном питании и т.д. Все свидетели, дававшие эти показания, были люди, работающие в системе "карательной медицины" и несущие ответственность за совершаемые преступления. Признание многих фактов, приведенных в книге, означало бы для большинства из них признание собственной вины.

Часть фактов, инкриминированных Александру Подрабинику, приведена по рассказам других людей, о чем указано в самой книге. Эти люди ходатайствовали о приглашении их в качестве свидетелей на суд, однако им было в этом отказано.

Сам суд носил совершенно абсурдный характер и являлся логическим завершением политических процессов последних месяцев. Никто из друзей и знакомых в зал допущен не был. Иностранцы корреспонденты не могли попасть в город, где проходил процесс. Все ходатайства Александра Подрабиника были отклонены, что исключило присутствие на суде хотя бы одного свидетеля защиты. Мало того, отклонение всех ходатайств привело к тому, что на суде отсутствовали как адвокат,

так и ... сам обвиняемый. В таких облегченных условиях суд в течение четырех часов успел огласить обвинительное заключение, допросить семь свидетелей, зачитать показания других свидетелей и характеристики обвиняемого, выслушать речь прокурора и вынести обвинительный приговор.

Несмотря на то, что следствие и суд исполняли лишь карательные функции, данный приговор по сравнению с приговорами предыдущих политических процессов можно было бы считать достаточно мягким. Здесь, безусловно, существенную роль сыграла реакция мировой общественности, в первую очередь — психиатров разных стран, особенно английских психиатров. Однако у нас есть все основания предполагать, что карательные органы рассчитывают расправиться с Александром Подрабинком гораздо более жестоко, используя ссылку для изоляции его от внешнего мира.

Мы считаем, что в том опасном положении, в котором находится сейчас Александр Подрабинец, необходим постоянный общественный контроль за его судьбой.

Мы требуем немедленного освобождения Александра Подрабинка.

16 августа 1978.

Вячеслав Бахмин, Юрий Ярым-Агаев, Татьяна Великанова, Александр Лавут

Члены Московской Хельсинкской группы: Мальва Ланда, Татьяна Осипова, Елена Боннэр, Сергей Поликанов

Члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР: о. Глеб Якунин, Виктор Капитанчук

Ирина Гривнина, Алла Хромова, Августа Романова, Александра Поликанова, Леонард Терновский

Обращение к психиатрам всего мира

15 августа проходил суд над А. Подрабинек. Его обвинили в "антисоветской деятельности", или, в переводе на нормальный язык, в том, что он написал книгу "Карательная медицина" и работал в Комиссии по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях.

Не является секретом то, что в СССР психиатрические лечебницы часто используются не по назначению. Они превращены в удобное дополнение к уже существующим тюрьмам и лагерям. ЦК, президиумы, министерства были бы, вероятно, завалены жалобами граждан на самоуправство, бесконтрольный разбой местных князьков — всевозможного горкомовского, обкомовского и прочего начальства, если бы не существовало *средства* вовремя остановить рьяных искателей справедливости, не допустить их до приемных и оградить покой "слуг народа" — ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦ!

В больницы помещаются люди простые, без громких имен, о которых редко-редко когда узнает мир. Именно помощи таким людям и посвятил свою деятельность А. Подрабинец. Благодаря ему стали известны миру имена жертв психушек, врачей, забывших о своем долге и ставших палачами; он помогал здоровым людям выходить из больниц; а главное — его работа помогла осознать многим "искателям справедливости", что они не одиноки в борьбе против бездушной государственной машины и что борьба эта не бессмысленна.

Я призываю психиатров, всех честных врачей потребовать освобождения А. Подрабиника и *действительно справедливого расследования* его дела; расследование это непременно должно включать проверку международной комиссией психиатров больниц в СССР и экспертизу людей, названных Рабочей комиссией.

Если же правительство СССР никак не откликнется на ваше обращение и этим подтвердит косвенно, что А. Подрабинец не виновен в предъявленных ему обвинениях, не будет ли справед-

ливой мерой по отношению к советским психиатрам бойкот конференций и конгрессов, проходящих в СССР?

Не оставайтесь равнодушными к судьбе Александра Подрабиника — этим вы поможете не только ему, но и всем людям, насильно заключенным в психиатрические больницы.

Член-корреспондент АН СССР —

Поликанов С.М.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ САХАРОВУ

Сегодня, 19/7-1978, я был вызван к 9.30 утра в президиум АН СССР к главному ученому секретарю президиума, член-корреспонденту Скрябину Георгию Константиновичу. При беседе присутствовал его заместитель, академик Фокин (химия). Скрябин сказал, что 22 июня президиум АН СССР принял решение по сообщению президента АН СССР Александрова А.П. Академик Александров сообщил, что в президиум поступило частное определение народного суда Люблинского района. Текст определения мне зачитал Скрябин; в нем сообщалось, что 18 мая сего года академик Сахаров совершил злостное нарушение общественного порядка и не подчинялся законным указаниям милиции и народных дружинников; за эти действия решением народного суда оштрафован на 50 рублей; суд обращает внимание президиума АН на этот факт и предлагает принять меры. По сообщению президента президиум АН принял постановление, также зачитанное мне Скрябиным. В постановлении отмечается, что подобные действия академика Сахарова подрывают авторитет советского ученого, и содержится поручение ученому секретарю президиума передать академику Сахарову мнение президиума о недопустимости подобных действий.

Я сказал, что решение президиума было принято в мое отсутствие, без выяснения моей позиции по этому делу и истинных его обстоятельств, и поэтому является неправомерным. Я указал, что с 15 по 18 мая в Люблино проходил суд над член-корреспондентом АН Армянской ССР. Этот суд должен был привлечь, по моему мнению, внимание президиума АН, но, к сожалению, президиум не прислал своего представителя на суд. Я и другие многочисленные друзья Орлова, представители иностранной прессы и посольств не были допущены в зал суда во время заседаний и даже на приговор. Такой приговор является незаконным. Лица, называвшие себя дружинниками, нарушали закон и провоцировали беспорядки. После того, как так называемый дружинник ударил мою жену, я ударил его, но считаю в этих обстоятельствах это правильным. Освещение

этого эпизода в определении суда я считаю односторонним и искажающим обстоятельства дела, скрывающим его истинную причину — неправомерность суда над Орловым и нарушение процессуальных норм гласности.

Я пользуюсь данной беседой, чтобы обратить внимание президиума АН на необходимость сформулировать позицию по делу ученого Юрия Орлова. Мне известно о многочисленных письмах и телеграммах от иностранных ученых и научных организаций, выражающих беспокойство в связи с арестом и приговором Орлову, однако, по моим сведениям, президиум и президент никак не реагировали на них. Я напомнил, что, когда Анджела Девис была лишена права преподавания, многие американские преподаватели, вне зависимости от своих политических взглядов, выступили в ее защиту.

Я считаю, что противоправный приговор Орлову порочит нашу страну, мешает разрядке и нормальным научным контактам, вредит международному доверию. Я считаю справедливой озабоченность мировой научной общественности несправедливым приговором Орлову и допущенными в ходе процесса нарушениями закона. Я считаю оправданной в этих обстоятельствах принятую многими западными учеными и научными организациями позицию временного отказа от контактов с советскими учеными и научными организациями. Я подчеркнул, что не являюсь инициатором этих кампаний временного прекращения контактов, но считаю их оправданными в обстановке противоправных жестоких процессов — причем именно в интересах здорового сотрудничества, международного доверия и разрядки. Фокин и Скрябин утверждали, что инициаторами антисоветских (по их выражению) кампаний на Западе всегда являются секретные службы и фонды, которым не могут противостоять честные, но наивные люди.

Я продолжал: я считаю, что оправдание и освобождение Орлова, других членов Групп содействия выполнению Соглашений в Хельсинки, всех узников совести очень важно для разрядки, для международного доверия и нормального международного научного сотрудничества.

Скрябин сказал, добавив, что он говорит в частном порядке, что президиум получает множество писем с выражением негодования по поводу моей общественной деятельности (и приба-

вил, что это письма не инспирированные). Он также отметил, что если у меня и есть какой-то авторитет, то он основан на том, что я академик. Я ответил: ну, что ж, исключите меня из Академии, если считаете это нужным и возможным. А пока я академик, позаботьтесь о том, чтобы у меня были жилищные условия, соответствующие моему званию.

В ходе беседы Фокин и Скрябин утверждали, что моя общественная позиция противоречива, что она основана на односторонней информации и концентрируется на исключительных частных случаях. Я якобы очерняю советскую жизнь, не вижу в ней ничего хорошего — они видят это по моей книге "О стране и мире" и по другим, которые они "просто из любопытства" читали. А в Якутии, например, по словам Фокина, героическая молодежь строит гигантские предприятия, люди трудятся и воодушевлены.

Я отвечаю, что массовые нарушения прав человека — это не частности. Но иногда и одно отдельное дело, судьба одного человека приобретают широкое общее значение, становятся историческими — дела Орлова, Щаранского, Гинзбурга принадлежат к их числу. Много честных, любящих работу людей самоотверженно трудятся, столь же много других только делают вид, но низкий уровень жизни в стране, нехватка мяса и многого другого на 61-м году советской власти показывают, что существуют какие-то глубокие внутренние пороки. А самое главное — нельзя забыть, что ГУЛагом загублены десятки миллионов человеческих жизней и что мир по вине нашей страны все так же разделен недоверием и соперничеством и стоит на грани военной катастрофы.

Скрябин и Фокин спрашивали, почему я все время говорю о тех недостатках, которые якобы есть у нас, и ничего не говорю об ужасных преступлениях в Америке и в других странах Запада, ведь даже Янг признал наличие тысяч политзаключенных в США. Фокин сказал, что он был в Ханое, когда американцы бомбили Вьетнам, видел, как гибли люди, как они пытались спастись в районе посольств — вот они, нарушения прав человека! Я ответил, что Янг дезавуировал свое заявление. Конкретно я больше говорю о положении и событиях в СССР, которые я лучше знаю, но в принципе я выступаю за соблюдение прав человека, за справедливость во всем мире. Я обращался к

Президенту Сухарто с призывом к амнистии политзаключенных в Индонезии. Я глубоко озабочен ужасной трагедией населения Камбоджи. Я в ряде документов поддержал международную кампанию против применения пыток, объявленную "Эмнести Интернейшнл". Я выступал за отмену смертной казни во всем мире. Я писал об истреблении иракских курдов. Я писал о трагедии палестинского лагеря Тель-Заотар. Я обращался к Никсону и Подгорному одновременно о судьбе Анджелы Девис и приговоренных к смертной казни Кузнецова и Дымщица. Но действительно большая часть моих выступлений посвящена проблемам нашей страны, я гораздо лучше знаю события и обстановку в СССР, за которые мы все в ответе.

Беседа продолжалась 50 минут и записана по памяти вечером 19 июля 1978 г. в Жуковке.

20/VII-78

А. Сахаров

САХАРОВ О МОСКОВСКОЙ ОЛИМПИАДЕ 1980 ГОДА

Нарушения прав человека в СССР — суровые приговоры участникам борьбы за права человека и гласность, религиозные преследования, нарушение права на эмиграцию и свободный выбор места проживания в пределах страны, нарушения свободы убеждений и информационного обмена — вызывают большую озабоченность мировой общественности. Одним из проявлений этой озабоченности является кампания за бойкот предстоящей в 1980 году Московской Олимпиады. Я понимаю и глубоко уважаю мотивы инициаторов этой кампании.

Мое отношение к предстоящей Московской Олимпиаде выразилось в том, что я присоединился к документу Группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений, призывающему добиваться на Московской Олимпиаде полного осуществления Олимпийской Хартии. Развивая идеи этого документа, я и моя жена считаем важным и реалистичным, чтобы каждая спортивная делегация приняла на себя конкретную ответственность за судьбу одного, двух или нескольких узников совести в СССР — таких, как Орлов, Гинзбург, Щаранский, Огурцов, Шелков, Лукьяненко, Тихий, Руденко, Пяткус, Ковалев, Глузман, Гаяускас, Романюк, Винс, Сергиенко, Федоренко, Слепак, Нудель, Кузнецов, Мурженко, Федоров, Болонкин, заключенные женщины, больные политические заключенные, взяла бы под свою опеку отказников — немцев, евреев, людей других национальностей, верующих — в том числе баптистов и пятидесятников — и просила от советских властей освобождения этих конкретных людей, как акта гуманности и дружелюбия, необходимого для того, чтобы эти делегации смогли счесть возможным для себя участвовать в Олимпиаде, и необходимого для осуществления гуманистических принципов Олимпийской Хартии.

Андрей Сахаров

Лауреат Нобелевской премии Мира

14 сентября 1978 года

В ЗАЩИТУ БОЛОНКИНА

Обращение к участникам Международного математического конгресса в Хельсинки

Несколько дней назад в Бурятской АССР по обвинению в хищении государственного имущества к трем годам заключения строгого режима осужден ваш коллега математик Александр Болонкин, ранее отбывший 4-летний срок заключения и два года ссылки. Я призываю вас выступить в защиту доктора Болонкина.

Первый раз Болонкин был осужден в 1972 году за распространение информационного журнала "Хроника текущих событий", содержащего сведения о нарушении прав человека в СССР. Этот приговор — один из многих за причастность к этому ненавидимому КГБ самиздатскому журналу. В заключении Болонкин неоднократно подвергался репрессиям, его докторская диссертация была аннулирована, написанный им и подготовленный к печати труд по кибернетике — конфискован.

В ссылке Болонкин работал в радиоремонтной мастерской и по договору с заказчиками во внеслужебное время иногда производил ремонт радиоаппаратуры за отдельную плату. Именно это вполне законное действие послужило предлогом для обвинения в хищении государственного имущества. Истинной же причиной было нежелание КГБ выпускать свою жертву — Болонкин добивался выезда из СССР.

Болонкин был вновь арестован за несколько недель до конца срока ссылки, в следственной тюрьме его подвергали неоднократным избиениям с целью добиться признания в несуществующей вине.

Новый приговор Александру Болонкину — вызов мировой научной общественности, протестующей против нарушений прав человека в СССР, против незаконных приговоров защитникам прав человека.

Андрей Сахаров,

Лауреат Нобелевской премии Мира

15 августа 1978 года

САМОСОЖЖЕНИЕ КРЫМСКОГО ТАТАРИНА

*Председателю Президиума Верховного
Совета СССР Брежневу Л.И.*

*Копия: Министру внутренних дел СССР
Щелокову Н.А.*

23 июня в селе Донском Крымской обл. крымский татарин Муса Мамут в возрасте 46 лет, отец троих детей, совершил самоубийство, когда в дом его пыталась ворваться милиция. Мамут на протяжении многих лет добивался права жить в Крыму. Ему, как и другим крымским татарам, было отказано в прописке, и он отбыл два года заключения за так называемое нарушение правил паспортного режима. После этого ему вновь угрожала тюрьма или высылка, и он решился на свой трагический шаг. Вне зависимости от его конкретных обстоятельств, самоубийство Мусы Мамута имеет своей истинной причиной национальную трагедию народа крымских татар, явившегося в 1944 году жертвой чудовищного преступления Сталина и его подручных, а в 1967-78 гг., после реабилитации крымских татар Указом Президиума Верховного Совета СССР, вновь ставшего жертвой продолжающейся дискриминации и несправедливости. Эта дискриминация проявляется в систематических отказах крымским татарам в прописке на их исторической родине, в отказах оформления купленных домов, в незаконных высылках, налетах, осуждениях, в разрушении домов, оставляющих стариков и детей под открытым небом, в бесчисленных издевательствах властей.

Я обращаюсь к Вам, так как убежден в настоятельной необходимости самого решительного и широкого вмешательства высших органов власти страны. Трагическая гибель Мусы Мамута, имя которого будет жить вечно в памяти его соотечественников и всех честных людей, должна послужить восстановлению справедливости, восстановлению поправленных прав его народа.

Я прошу Вас также способствовать назначению достойных пенсий его вдове и детям, расследованию конкретных обстоятельств его гибели.

С уважением и надеждой —

*трижды Герой Социалистического Труда,
академик А. Сахаров*

4 июля 1978 г.

О ЛАГЕРНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЕ

Международному Красному Кресту

З а я в л е н и е

Обращаюсь в Международный Красный Крест (характер ответов Исполкома Красного Креста и Красного Полумесяца мне уже известен) по поводу состояния медицинского обслуживания в лагере для политических заключенных № 36 и № 35. Только факты за 1977 год. В начале февраля 1977 года С. Ковалев ждал свидания с родными в связи с назревавшей срочной операцией подозреваемой раковой опухоли. Когда свидание грубо прервали, он объявил голодовку с требованием продолжения свидания и операции в Ленинградской больнице. Его изолировали и целый месяц, больного, держали под присмотром прапорщиков, а 1.03.77 г. в состоянии голодовки взяли на этап. На мое заявление в Президиум Верховного Совета СССР о невыполнении человеческого долга в отношении к больному пришел ответ: "В отношении к Ковалеву закон не нарушен". 3 января 1977 года в центральной больнице — то есть в лечебном помещении камерного типа — без воздуха и движения, без лечения и присмотра скончался больной сердцем п/з К. Луш. Больница в пяти шагах от лагеря, но его положили за пару дней до смерти. 14 марта 1977 года в центральной лагерной больнице в тщетном ожидании операции желудка скончался А. Плейш, человек средних лет, выдержавший 70-километровый путь Кучино-Всесвятская, через выбоины, в железной коробке "воронка". Присутствовавшие в одной камере при его беспомощных мучениях двое туберкулезных больных Д. Демидов и А. Сергиенко отказались от дальнейшего пребывания в этой ужасной лечебной камере. 1 санция Манту подтвердила у них активную форму туберкулеза, тем не менее 22.03.77 года их привезли из больницы в лагерь № 36 и закрыли в карцер на 15 суток. На мое заявление в областную медицинскую инстанцию УВД о преступности содержать таких больных в карцере последовал ответ начальника управления ВС-389 полковника Микова, что

они наказаны обоснованно. 3 января 1977 года сделали операцию на грыжу В. Пидгородецкому. В апреле его выписали из больницы с гноящейся не зажившей раной. Зав. больницей Шелия по каким-то соображениям выгнал из своего кабинета больного, нуждающегося в операционном лечении. И как следствие у В. Пидгородецкого обострилась болезнь сердца. О больнице учр. 389 ходят зловещие слухи. О ее заведующем — тоже. Как следует даже из приведенных фактов, лагерное медобслуживание полностью подчинено карательному режиму. Речь идет не только об обеспечении ежедневных моральных, нервных травм заключенным со стороны режима (буквальный пример: нач. режима 36 лагеря майор Федоров выгнал всех инвалидов II группы на работу, а Д. Басараба ежедневными вызовами поставил перед выбором: или на работу, или инфаркт). Речь идет о невозможности медобслуживания в условиях лагеря, в котором врач играет самую последнюю роль и вообще становится подозрительным лицом, если осмелится оставаться в пределах врачебного долга. Все эти соображения заставляют меня обратиться в Международный Красный Крест: выполнить свой долг в пределах компетенции и проверить реальность права политзаключенных СССР на лечение.

Е. Сверстюк

8 мая 1977 года
Лагерь № 35

В ЗАЩИТУ С. КОВАЛЕВА

*К ученым мира;
Участникам 14 Международного
Генетического Конгресса*

Вас приглашают в Москву для участия в свободной научной дискуссии. Возможно, биолог Сергей Ковалев, мой отец, был бы одним из участников вашего Конгресса. Хотя основные его работы относятся к изучению межклеточных взаимодействий, в последние годы перед арестом он занимался также и генетикой, работал над проблемой химического мутагенеза рыб. Поэтому сегодня, в день, когда истекает половина назначенного моему отцу семилетнего срока заключения в исправительно-трудовом лагере (после которого ему предстоит еще три года ссылки), я обращаюсь к вам, его коллегам.

Суровые условия советского "исправительно-трудового" лагеря (я еще скажу об этих условиях и постараюсь показать, как же, по античеловечному замыслу карателей, должен "исправиться" человек при помощи тяжкого и изнурительного принудительного труда) сейчас для него уже УЖЕСТОЧЕНЫ дополнительным наказанием — на полгода он отправлен во внутрилагерную тюрьму, скромно именуемую "помещением камерного типа" (ПКТ).

С. Ковалев осужден за то, что суд квалифицировал как "антисоветскую агитацию и пропаганду" и что на самом деле было участием в защите прав человека, в распространении правды о нарушении этих прав.

Уместно ли ученому заниматься "политикой", уместно ли его коллегам вступаться за него, и не просто выражать сострадание, но добиваться свободы для него самого и для его общественной деятельности? Думаю, что те обстоятельства, о которых я хочу вам напомнить, помогут дать ответ на этот вопрос.

* * *

Каждый ученый, вообще любой мыслящий человек в нашей стране стоит перед выбором: поступиться внутренней свободой,

получив взамен относительное благополучие и возможность работать по специальности, либо, оставшись свободным внутренне, привлечь к себе внимание аппарата подавления, как это произошло с моим отцом.

Советский ученый НИКОГДА не может заниматься только наукой и не заниматься "политикой". Рано или поздно, но он вынужден идти на компромисс, чтобы сохранить для себя возможность продолжать научную работу.

Самое маленькое, что от него может потребоваться, это, например, не выражать своего возмущения, если заграничные издания, нужные ему по работе, попадают по идеологическим соображениям в трудно доступный "спецхран"; если заграничная научная поездка рассматривается в качестве премии за "хорошее поведение"; по многим другим поводам. Ученый, рассчитывающий на широкую публикацию своей работы, должен, как правило, и похвалить, и поругать в ней кого СЛЕДУЕТ, опереться, разумеется, на Передовое Учение, не упоминать опальных фамилий и т.д. и т.п. В иных ситуациях от него требуется выступить с публичным осуждением кого-либо из неугодных ...

Не удивительно для этой страны и такое грубое вмешательство в науку, как было, например, с опальной генетикой. Проявления ИНИЦИАТИВЫ, пусть даже в чисто НАУЧНОЙ области, связаны для советского ученого с большой вероятностью всякого рода неприятностей. Например, мой отец в 1956 году был одним из авторов письма в деканат биологического факультета Московского университета о восстановлении в правах генетики как учебной дисциплины. Это письмо и сбор подписей под ним вызвали беспокойство властей за идеологическое состояние аспирантов и профессоров факультета и даже за безопасность государства — авторы письма были вызваны в КГБ.

Те, кто лишь хочет еще стать ученым, вынуждены платить еще дороже. Студент вообще не вправе не заниматься общественными дисциплинами. На экзамене по марксизму-ленинизму (любые другие общественно-философские учения для советского студента ложны, его учат только тому, какими словами положено их критиковать) он ОБЯЗАН показать, что его знания по этому предмету превратились в твердые УБЕЖДЕНИЯ. Прибавьте к этому еще обязательное "активное участие в общественной жизни коллектива" как условие для получения сти-

пендии или для поступления в аспирантуру (сюда относится, скажем, ДОБРОВОЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ – да, да, именно так – стройотряд), и вы получите лишь скупой намек на размер ”платы” за обучение или за возможность научной работы.

Приезжающие иностранные ученые оказываются в похожей ситуации. Их приезд сюда возможен лишь с позволения тех, кто, управляя этой страной, укореняет в ней систему подавления любой свободной мысли. Иностранцы не должны подавать виду, что они заметили несвободу своих коллег – такая такса взимается с них за возможность научных контактов с советскими учеными.

Не всякий находит в себе силы согласиться на такую ”плату”. К таким относится и мой отец.

Он выбрал СВОБОДУ и, значит, ТЮРЬМУ.

* * *

В этом государстве, где, как лицемерно заявляют сами же судьи, наказывают не за мысли, а за действия (например, за свободный обмен мнениями или систематизацию и распространение информации, которую власти стараются скрыть), такой выбор означает, что человек будет подвергаться изощренной попытке ГОЛОДОМ, ХОЛОДОМ, ОТСУТСТВИЕМ НЕОБХОДИМОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ, ИЗОЛЯЦИЕЙ.

Хотя сейчас на Западе опубликовано довольно много сведений, распространенных у нас в Самиздате, об условиях содержания заключенных в советских политлагерях, я все же изложу здесь некоторые известные мне (в частности, из рассказов отца) сведения.

Заключенные постоянно находятся в состоянии скрытого голода. Половину срока (срок бывает и 15 лет) они не получают посылок. Жалкие 5 посылочных килограмм в год, которые, к тому же, могут содержать лишь очень ограниченный набор продуктов (в них не должно быть, например, шоколада – ”это слишком калорийный продукт”, как объяснил один прокурор), не могут существенно изменить положение.

”Самое гуманное в мире” государство и не скрывает, впрочем, что оно морит заключенных голодом. Оно издевательски откровенно отводит им на питание 12 руб. в месяц (из их зар-

платы). На "ларек", права пользования которым заключенных лишают по малейшему поводу, в лагере отводится 5 руб., в ПКТ – 2 руб. В лагере заключенному "положено" (формально) 10 граммов жира в сутки, в ПКТ и того нет. Что уж говорить о ШИЗО (лагерном карцере), где вообще горячая пища "ПОЛОЖЕНА" через день, а через день только хлеб (450 гр.).

По свидетельству Б.П. Азерникова, врача, недавнего политзаключенного, "суммарная калорийность питания теоретически составляет менее 2500 кал." (в лагере) и "даже максимальная калорийность получаемой заключенным пищи примерно на 2000 кал. меньше той, что необходима по условиям тяжелого труда, которым занимаются заключенные".

Учтите еще нередкие голодовки (мой отец, например, держал голодовку более месяца, добиваясь помещения в больницу) и вы получите приблизительное представление о том, как питается заключенный.

Наказание холодом применяется с той же откровенностью. В ШИЗО, например, где лед на стене никого не удивит, заключенный должен находиться в одном белье.

С. Ковалев, отстаивая право заключенных носить зимой хотя бы валенки (это на Урале!), вынужден был в 20-градусный мороз идти босиком.

Теплая одежда, имеющаяся у заключенного, отбирается у него. Попробуйте послать заключенному свитер или те же валенки – они осядут на складе, а ему выданы не будут – "НЕ ПОЛОЖЕНО".

Крайне тяжелое положение в лагерях и с медицинским обслуживанием. Многие лагерные "врачи" заявляют: "Сначала я чекист, а потом уже врач". Можно от этих "врачей" услышать и такое: "Вас расстреливать надо, а не лечить!" (свидетельство репрессированного украинского поэта Василия Стуса). В лагерной санчасти очень ограничен набор медикаментов, часто нет даже самых необходимых. Присылать лекарства запрещено даже (точнее – тем более) Красному Кресту. Изредка у родственников берут лекарства, но это не значит, что они обязательно попадут к заключенному. Бывают и такие случаи, как с Михаилом Слободяном. У него кровоточащая язва, тяжелая болезнь ушей. Когда он идет в санчасть, его посылают на тяжелую работу; результат – кризисное состояние. Он и сегодня

крайне нуждается в квалифицированной медицинской помощи.

Тяжело больным, нуждающимся, например, в операции, как это было с моим отцом, очень трудно попасть в центральную тюремную больницу. (Я уже говорил, что тогда ему пришлось держать голодовку более месяца. Большую помощь, несомненно, оказала и развернувшаяся тогда кампания в его защиту, в которой, как я знаю, приняли участие и многие ученые из разных стран.)

Так же откровенно и с той же жестокостью наказывают заключенного изоляцией. Свидания, перед которым и заключенный, и приехавшие к нему родственники проходят унижительную процедуру личного обыска (часто с раздеванием догола и приседаниями) и которое может быть ему предоставлено лишь раз в год, заключенный может быть лишен по малейшей придирке. Длительность этого ("личного") свидания устанавливается администрацией и может колебаться от суток до трех, что используется как средство давления на заключенного. То же относится и к "общим" свиданиям, которые могут быть предоставлены дважды в год и длительность которых колеблется от двух до четырех часов. Обыска перед этими свиданиями не проводят, но само свидание проходит в присутствии представителей администрации. Обнять заключенного нельзя, темы разговора строго ограничены, часто свидание прекращают под предлогом нарушения этого запрета на темы. Кроме родственников на свидания больше никто, практически, не допускается. Формально же могут присутствовать лица, которые, по мнению администрации, будут влиять на заключенного положительно; вы уже, наверное, догадываетесь, что результатом этого влияния должен быть отказ заключенного от своего мировоззрения.

Заключенный имеет право писать в лагере лишь 2 письма в месяц, в ПКТ — в 4 раза меньше. Любое письмо может быть конфисковано по прихоти администрации — всегда можно подобрать подходящие мотивы. Кроме того, уже прошедшие цензуру письма могут "пропасть на почте". Так "пропали" подряд 5 писем моего отца, и это было одной из основных причин, почему он отказался от права переписки осенью прошлого года. Так же "пропадают" многие письма, направленные в адрес заклю-

ченного. Особенно это относится к заграничной корреспонденции.

В качестве средства изоляции, причем не только от внешнего мира, но и от лагерных товарищей, используются также ПКТ и ШИЗО. Выдумать причину такого наказания не трудно. С Ковалева, например, неоднократно помещали в карцер за такие "недопустимые нарушения", как 5 минут опоздания в строй, непришитую пуговицу и т.п.

Взволнованные новым суровым наказанием С. Ковалева – полугодовой тюрьмой, мы, его семья, обратились в МВД за разъяснением причин этого наказания. Нам ответили, что он будто бы "постоянно уклонялся от работы, систематически не выполнял распоряжения администрации, умышленно не выполнял норму выработки и т.д." И потом уточнили, что в период 1976-77 гг. он выполнял норму "всего" на 85,6%.

Истинной же причиной преследований Ковалева, теперь уже не на жалкой "воле", а в лагере, является то, что и здесь он выступает против беззакония, отстаивая хотя бы те мизерные права, что оставлены заключенным. Он вступает за постоянно преследуемого врача Глузмана, требует отправки в больницу Слободяна, заявляет о своем желании быть свидетелем на судах Гинзбурга и Орлова, которым, как когда-то ему самому, инкриминируется "клевета" о лагерях ...

Истинная причина преследований – СТРАХ перед человеком, и в НЕВОЛЕ ОСТАВШИМСЯ СВОБОДНЫМ.

Горький опыт других узников совести, не сломленных неволей, заставляет опасаться, что к С. Ковалеву будет применена и следующая ступень ужесточения – 3 года Владимирской тюрьмы.

Вот краткое описание того, как в этой стране обходятся с "особо опасными государственными преступниками". Я думаю, что люди, подобные моему отцу, не случайно попадают в этот разряд "ОСОБО ОПАСНЫХ". И действительно, что же может быть опаснее для этого государства, чем ПРАВДА!

* * *

Многие представители мировой общественности, в том числе и ученые, уже недвусмысленно выразили свое отношение как к проблеме защиты прав в целом, так и к репрессиям по отно-

шению к отдельным лицам, например – к недавней расправе над профессором Ю.Ф. Орловым.

Пользуясь случаем, я благодарю тех, кто уже выступил в защиту С.А. Ковалева. Такие выступления, направленные на защиту чести, достоинства и прав человека, конечно же не являются вмешательством во внутренние дела, как это пытается представить советское правительство. Эти выступления создают атмосферу нетерпимости к беззаконию. Если часто даже не видно их немедленного практического воздействия на судьбу заключенного, тем не менее я уверен, эти выступления затрудняют усиление репрессий по отношению к нему, да и к другим заключенным, и несомненно оказывают заключенным огромную моральную поддержку.

Надеюсь, что моя позиция окажется близка вам, и вы, удобными для себя способами, выразите свое отношение к заключению своего коллеги, для которого активное неучастие во лжи является непреложным законом как научной, так и всякой иной деятельности.

27 июня 1978 г.

Иван Ковалев

119285, Москва,
2 Мосфильмовский пер. 14, кв. 72

Адрес С.А. Ковалева: 618801, Пермская обл., Чусовской р-н,
п. Половинка, учреждение ВС-389/37
Для иностранной корреспонденции: Москва, учр. 5110/1-ВС

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ХЕЛЬСИНКИ

Интервью с проф. Л. Берсом

Четыре года назад вы рассказали нам о правозащитных выступлениях на конгрессе математиков в Ванкувере. А было ли что-либо подобное на недавнем конгрессе в Хельсинки?*

Нет, собственно, такого не было по разным причинам. Частично потому, что в Ванкувере все-таки все участники знали язык, а в Хельсинки люди говорят по-фински, так что иностранцам организовать вещи труднее. Кроме того, многие считались со специфическим положением в Финляндии и не хотели делать ничего такого, что было бы неприятно нашим финским хозяевам. Но я думаю, что главная причина, почему вопрос о заключенных ученых не стоял в центре внимания, это то, что люди были озабочены внутриматематическими делами и, я бы сказал, главным образом поведением советской делегации и советского комитета математиков в связи с этим конгрессом... Хельсинки – это Финляндия, это близко к России. Все надеялись, что будет большая советская делегация. Однако советская делегация была очень маленькая, было 50 человек. Американцев было 600, японцев было больше, чем советских, может быть, даже поляков было больше, чем советских.

И это не соответствует соотношению научных потенциалов?

Совершенно не соответствует. Советский Союз после Америки – самая крупная математическая сила в мире. Кроме того, было очень мало из числа приглашенных советских ораторов. Половина приглашенных докладчиков не приехала.

Это та же проблема, которая обсуждалась на прошлом конгрессе?

Да. Но как-то думали, надеялись, что в Хельсинки будет лучше. Кроме того, на этот раз один советский математик, Маргулис, получил Фильдовскую медаль. Для математиков это так же почетно, как Нобелевская премия. Ему не разрешили приехать, притом не сказали, что он сам не хочет приехать в Хельсинки на вручение медали. Восемь лет тому назад Новиков Сергей Петрович получил такую премию. Он тоже не приехал на конгресс в Ницце, но тогда говорили, что он сам не захотел приехать. А тут высокопоставленные советские делегаты вполне откровенно гово-

* См. "Хронику защиты" № 10.

рили: "Маргулис не приехал. Это демонстрация. Мы его не пустили. Наш национальный комитет считал, что он недостоин этой медали. У нас было восемь кандидатов, ни один из них премии не получил, а вот Маргулису ее дали".

В моем присутствии одного из этих делегатов спросили: "А что, вы считаете, что Маргулису премию дали потому, что он еврей?" Ответ на это был: "Да". (Это не было официально, это было в частной беседе.)

Все это вызвало большое волнение среди многих делегатов. Собственно, в этом нет ничего нового, всегда так было, но как-то это людям надоело. В чем это выразилось? Это выразилось в том, что об этом говорили на генеральной ассамблее Международного математического союза, которая традиционно происходит перед международным конгрессом математиков. Американской делегацией была внесена резолюция, которая, с одной стороны, подтверждает резолюцию ICSU (Международной ассоциации научных союзов) о свободном передвижении ученых, где говорится главным образом об обязательствах стран, которые устраивают у себя международные конгрессы, давать визы всем действительным ученым. Это бывает проблемой. И кроме того, в американской резолюции специально упоминается проблема отсутствия приглашенных докладчиков и содержится просьба к президенту Международного математического союза об этом доложить через чегыре года на следующей генеральной ассамблее. Когда эта резолюция была внесена, американские делегаты сказали очень прямо и откровенно, что они имеют в виду поведение Советского Союза, который систематически не допускает приглашенных советских докладчиков приехать на конгресс. Иногда по причинам антисемитским, иногда по причинам непонятным.

Это развитие той проблемы, которая уже была в Ванкувере, но теперь это зафиксировано документально?

Это развитие той же проблемы, но в Ванкувере только один человек от своего собственного имени об этом говорил официально, а на этот раз это была официальная резолюция, внесенная американской делегацией по поручению Национального комитета математиков в Америке.

Один человек – это вы?

Один человек, который говорил об этом в Ванкувере, – это я. На этот раз я тоже об этом говорил, но уже как председатель американской делегации. Когда этот вопрос был поднят, советская делегация не приняла участия в обсуждении этого вопроса. А ее глава, академик Понтрягин, сказал, что они внесут свою собственную резолюцию, когда речь пойдет о другом пункте порядка дня – об отношениях между Международным математическим союзом и международными конгрессами математиков. Было решено обсуждать обе проблемы вместе, и Понтрягин от имени советской делегации внес резолюцию, в которой предлагалось в корне изменить теперешнюю систему приглашения докладчиков на меж-

дународные математические съезды, а именно: они предложили, чтобы комитет, который назначается Международным математическим союзом и выбирает приглашенных докладчиков, имел право выбирать докладчиков только по списку ученых из каждой страны, представленному национальным комитетом математиков этой страны.

То есть узаконить существующую в Советском Союзе практику?

Да. И применить ее к другим странам. Это было встречено ассамблеей довольно враждебно. Единственный человек, который сказал кое-что в защиту этого предложения, был представитель Восточной Германии, который, однако, заявил, что академик Понтрягин на самом деле имеет в виду то, что нужно иметь больше прикладной математики на съездах.

Я не понял, какая тут связь с прикладной математикой.

Я тоже не понял. Никто не понял. А один голландец сказал: "Это очень хорошая идея. Я готов ее принять, но с маленькой поправкой: чтобы национальные комитеты представляли списки возможных докладчиков не из их страны, а из других стран. Если я хочу послушать голландского математика, то мне нечего ехать на международный конгресс. Я еду туда, чтобы слушать, например, советских математиков". В своей речи, очень короткой, Понтрягин пригрозил, что если предложение не будет принято, то советские математики вообще покинут международные математические конгрессы. Однако, когда дело дошло до резолюционной комиссии, уже был внесен гораздо более мягкий проект советской резолюции. Когда это обсуждалось на пленарном заседании, тогда советская делегация согласилась вместо своей резолюции на совершенно мягкую резолюцию, внесенную итальянским делегатом, о том, чтобы исполком Союза изучал возможности дальнейшего улучшения способа выбора докладчиков.

Угроза относилась к жесткой резолюции?

Угроза относилась к жесткой резолюции. Но на резолюционном комитете они сами предложили более мягкую резолюцию. И единогласно была принята совершенно мало что значащая резолюция. А американская резолюция была принята солидным большинством.

На самом съезде тоже отмечалось отсутствие советских докладчиков. Например, было специальное пленарное заседание съезда, на котором четыре оратора делали доклады о работах четырех Фильдовских лауреатов. О Маргулисе говорил профессор Тытс из Парижа. Он говорил о работах Маргулиса, какое они имеют огромное значение для математики, а потом сказал: "О политике тут говорить не полагается, но я не могу не сказать, как я возмущен и огорчен, что этот замечательный математик не может присутствовать здесь". Тытсу была устроена стоячая овация (единственному за все время съезда). Я посмотрел, была ли там советская делегация, но она просто не пришла. Потом это повторялось несколь-

ко раз. Например, Атия сделал один из докладов, зал был переполнен, потому что Атия – один из ведущих математиков современности. Он говорил о полях Янга – Милса. Это область теоретической физики, которая теперь применяет чрезвычайно изощренные современные методы дифференциальной геометрии. И в конце он на экране спроектировал имена людей, которые принимали участие в этой работе, и заметил: "Последние два имени – это советские математики Манин и Дринфельд. Я не могу не сказать, как мне горько, что эти два замечательных математика, которые оба были приглашены сюда в качестве докладчиков, не были допущены к участию в съезде". Бурные аплодисменты. А председатель этой сессии, французский математик Малгранж, между прочим, насколько мне известно, член французской компартии, говорит: "Я хочу как председатель присоединиться к возмущению". Опять овации.

При выходе из зала возникла дискуссия между одним советским математиком из более пожилых и несколькими западными математиками. Советский математик говорит: "А напрасно Атия сказал, что Манину не позволили приехать. Ему-то позволили, я знаю, он сам не захотел приехать". На это один человек из западной страны говорит: "Да беда в том, что вы нам так много ввали, что теперь даже трудно верить, если вы правду говорите". Словом, была неприятная атмосфера. Об этом очень много говорили в кулуарах съезда и даже на самом съезде. Когда проф. Лехто, который был президентом конгресса, закрывал съезд, он опять сказал: "На этот раз из приглашенных докладчиков 16 или 17 человек не приехали, 15 из них – из одной страны. Это недопустимое положение, и я надеюсь, что что-нибудь будет сделано, чтобы исправить это к следующему съезду". Следующий съезд будет в Варшаве.

Может быть, поможет близость Польши к Советскому Союзу?

Это возможно, потому что Польша все-таки страна Варшавского пакта.

Если конгресс будет в Москве, то, может быть, немного больше советских математиков будет допущено?

Конгресс уже один раз был в Москве – в 1966 г. Поведение советского национального комитета в Москве было абсолютно безупречным. Все докладчики были допущены, все советские математики, которые хотели принимать участие, были в Москве. Не было никаких трудностей во встречах, ничего.

Не является ли теперешнее поведение советского национального комитета или тех, кто дает визы, указанием на то, что советские математики и чиновники хотят, чтобы все математические конгрессы проходили именно в Москве?

Я лично был бы на это готов. В 1966 г. ни один математик из-за границы не имел трудностей с советской визой и ни один советский математик

не имел трудностей с участием в конгрессе. А я лично был бы вполне готов иметь все международные съезды в Советском Союзе, если это будет так, как было в Москве.

Между прочим, я думаю, и так думают многие ученые – и западные, и советские, что положение в математике в СССР хуже, чем в других науках. Правда ли это – я не знаю.

По политическим или национальным причинам?

Похоже, что главенство в математике в Академии наук теперь принадлежит небольшой группе пожилых академиков, которые особенно реакционны в смысле международных контактов. Например, один советский математический физик, который как физик месяц путешествовал по Соединенным Штатам, читал лекции во многих университетах, как математик не смог приехать в Хельсинки. Так что положение в математике хуже, чем в физике. И многие думают, что некоторая доля ответственности падает не на руководство Академии наук и не на правительство, а именно на руководство математиков. Так это или не так – я лично не знаю.

Как отразились недавние процессы, в том числе процесс Орлова, на настроении ученых на конгрессе?

Об этом много говорили. Но говорили не так много, как этого можно было бы ожидать. Но на съезде раздавали разные листовки, листовки об уругвайском математике Масере, о Щаранском, поскольку он тоже математик, о преследовании профессоров за неблагонадежность в Западной Германии, а в последний день конгресса раздавался отчет, составленный группой математиков-эмигрантов из СССР, об антисемитизме в советской математической общине. Это очень подробный отчет. Текст его появится, вероятно, в "Нотисес" Американского математического общества. Кроме того, группа французских математиков привезла значки "Освободить Масеру и Щаранского!" Они привезли около 700 таких значков. И эти значки разошлись немедленно, и очень многие люди их носили. Я отмечаю, что их носили молодые математики из стран Варшавского пакта. И несколько людей, которые мне известны как активные члены европейских коммунистических партий.

Одна забавная деталь – личный разговор об Орлове с видным советским ученым. Он сказал: "При Сталине несомненно были осложнения, но теперь невинного человека не осудят".

Недавно вы давали показания в Комиссии американского конгресса о научном обмене с СССР. Скажите немного об этом.

Это было заседание одной из подкомиссий Палаты представителей. Председателем этой подкомиссии является г-н Шоер из Нью Йорка. Речь шла о разных аспектах научных и технологических обменов и соглашений

об обменах с Советским Союзом. Я выступал от имени "Международной Амнистии", но сказал, что не могу не упомянуть, что я сам и участник многих научных обменов, и выступаю в защиту прав человека. В наших письменных показаниях "Международной Амнистии" говорилось главным образом об ученых, которые находятся в заключении в Советском Союзе, хотя и в письменных, и в устных показаниях было сказано, что мы хотим обратить внимание комиссии на то, что вопрос о заключенных ученых относится отнюдь не только к Советскому Союзу, но и ко многим другим странам, в частности – к некоторым странам Южной Америки.

Разумеется, для того чтобы арестовывать ученых, надо их иметь, а Советский Союз имеет очень много ученых, в отличие от многих стран Латинской Америки. Нельзя отрицать, что некоторые ученые принимали активное участие в борьбе за права человека, однако я сказал, что те, которые в тюрьме (за исключением Щаранского, которому пришли обвинения в измене или шпионаже), даже не обвиняются ни в каком проступке, который считался бы преступлением в западных странах или, я даже думаю, в Советском Союзе, если бы Конституцию и законы применяли буквально. Ну, и затем я говорил еще, что есть и другие вопросы, которые возникают в связи с обменом, это вопрос об отказниках (тут я упомянул специально фамилию проф. Меймана), а затем вопрос об односторонности обмена. Это другие тоже указывали, что когда происходит конференция или съезд, то мы не можем получить тех советских докладчиков, которых мы бы хотели послушать.

Но на этом построены правительственные соглашения об обмене, что каждая страна посылает тех, кого она выбирает. Есть ли надежда на то, что ситуация может измениться?

Я не думаю, но дело в том, что, во всяком случае – с американской стороны, теперь хотят, чтобы центр тяжести этого обмена был не в поездках, не в научном туризме, а в более деловых конференциях и совместных семинарах. И здесь этот вопрос уже можно ставить. Мы много об этом говорили. На заседаниях некоторые также отметили то, что были случаи, когда американские официальные или полуофициальные лица советовали американским ученым, которые едут в Россию, скажем, не встречаться с неблагонадежными учеными, не посещать неофициальные семинары и т. д. На это ясно было сказано Шоером и другими, что это не есть правительственная политика, это есть ошибка чиновников средней руки.

Я был не единственный свидетель. О научном обмене говорил председатель Академии наук Ф. Хэндлер, о правах человека говорил председатель Комитета по правам человека при Академии наук проф. Кейтс; а в тот день, когда я там был, давали свидетельские показания Валентин Турчин и Джереми Стоун от имени Федерации американских ученых и вместе со мной еще Ядзя Зельтман из "Амнистии", которая огласила недавно полученное письмо жены Орлова.

В связи с процессами Орлова, Гинзбурга, Щаранского раздавались голоса, призывающие к полному бойкоту культурных связей с Советским Союзом до тех пор, пока эти осужденные и другие члены Хельсинкских групп не будут освобождены. Что вы думаете – является ли такой призыв реалистичным и является ли он желательным?

Я лично считаю – и таково же мнение комитета Академии наук и Федерации американских ученых, – что полный бойкот, полный разрыв научных отношений с Советским Союзом, официальный бойкот или бойкот научной общественности Советского Союза был бы нежелателен и неправилен. Я думаю, это могло бы играть на руку реакционным элементам советской науки, которые именно и говорят: "А на что нам все эти научные съезды? Только неприятности от этих западных ученых". Я думаю также, что полный бойкот и нельзя было бы осуществить. Вообще я считаю, что, с нашей американской точки зрения, надо действовать традиционным американским плюралистическим путем. Демонстрация эффективна, когда это не решение правительства, а когда это личное решение ученого или группы ученых. Я думаю, что те демонстрации, которые произошли против процессов Щаранского и Орлова, например, отказ американских ученых принять участие в международном симпозиуме по твердому телу, когда этот съезд, как сказал один советский ученый, превратился из международного во всесоюзный, я думаю, это было очень эффективно именно потому, что это было личное решение группы американских ученых. Теперь люди думают о том, чтобы разные научные организации и учреждения принимали разных преследуемых советских ученых под свое специальное шефство. Кроме того, и об этом тоже говорили на заседании этой комиссии конгресса, группа ученых организовала комитет под названием SOS – Save Orlov and Shcharansky (спасите Орлова и Щаранского), и они распространяют такое заявление, где говорят: "Я лично не буду принимать участия в конференциях в СССР, пока эти два человека не будут освобождены". Я ничего не вижу плохого, чтобы отдельные люди, которые этого хотят, это подписывали. Я думаю, что многие подпишут. Я лично не принимал участия в призывах подписать это воззвание. Мне нравится позиция Федерации американских ученых: "Некоторые наши члены будут протестовать против арестов коллег тем, что будут бойкотировать, а некоторые тем, что будут участвовать в контактах". Что я считал бы совершенно неправильным, мне кажется, я бы не мог этого сделать, это, например, ехать в Советский Союз на какую-нибудь конференцию и делать вид, что всех этих вещей как бы нету, что когда-то считалось хорошим тоном.

Своей деятельностью в течение многих лет, насколько я это знаю, вы демонстрируете, что можно активно выступать в защиту преследуемых именно с помощью своего участия в контактах.

Спасибо, я надеюсь через четыре года услышать ваш рассказ о конгрессе в Варшаве.

ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМАХ ДВИЖЕНИЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

Участники диссидентского движения в Советском Союзе неоднократно свидетельствовали, что наше движение не является организационно оформленным: оно не имеет лидеров (хотя, разумеется, есть особо яркие и авторитетные люди), не имеет общей программы и каких-либо организационных рамок, его участники выступают лишь от собственного имени. Это так и есть. Но поскольку обычно эта характеристика воспринимается как доказательство пребывания движения в зародышевом состоянии, я хотела бы проанализировать стихийную эволюцию организационных форм на протяжении истории диссидентского движения и указать на ценность этого дорого оплачиваемого опыта.

Углубление в историю диссидентского движения выявляет, что на ранней стадии его участники тяготели к введению своей деятельности в организационные рамки.

Изначальной организационной формой диссидентского движения были подпольные организации, почти без исключения молодежные.

Такие организации создавались и в сталинское время. Среди моря сфабрикованных следователями дел об антисоветских и террористических организациях, как выяснилось позднее, были дела участников действительно существовавших организаций. Это были чаще всего подпольные кружки марксистского толка, ставившие своей целью "восстановление ленинских норм общественной жизни" и т.п.

Такие организации продолжали возникать и в послесталинское время. Каждая из них включала, как правило, от трех до семи членов, не более.

Но вот что интересно: эти кружки перестают появляться, как только возникает более или менее широкое общественное движение.

Раньше всего это случилось в Москве. С начала 60-х годов стали происходить поэтические собрания молодежи за памятником Маяковскому, вышли ранние самиздатские журналы (тоже молодежные) – "Синтаксис", "Феникс", "Бумеранг" с именами составителей на обложке, появилось первое открытое объединение – СМОГ. Смогисты опубликовали в Самиздате свой манифест, но членства как такового в СМОГ не было, каждый сам причислял или не причислял себя к этому объединению. Поэтому сейчас невозможно установить, сколько было смогистов: одни говорят – около 20, другие – до 200.

Арестов за участие в подпольных кружках в Москве не было с 57 года, после раскрытия молодежной марксистской группы Краснопев-

цева, в русской провинции – с 71 года (студенческие группы в Саратове, Горьком, Рязани, суды над которыми прошли в 70 году (ХТС, вып. 12), подпольные группы молодых рабочих в Свердловске, судимые в 70 и 71 годах, см. ХТС, вып. 33). Особую склонность к конспирации проявили ленинградцы.* Однако и там последний раз подпольная организация была раскрыта в 75 году. Она была тоже марксистской и состояла из двух человек – третий оказался доносчиком. Просуществовала эта "организация" около трех месяцев (ХТС, вып. 39, 46).

Ни одной из известных подпольных организаций не удалось просуществовать более двух лет, а большинство их раскрывали через несколько месяцев. Поэтому, думаю, отсутствие судов над членами подпольных организаций – убедительное доказательство того, что таких организаций не существует.

Отказ от подпольных кружков совпал по времени не только с началом независимого общественного движения, но и с отходом подавляющего большинства диссидентов от марксистских канонов мышления.

Советских людей в течение десятилетий воспитывали на марксизме, и они не знали почти ничего другого. Поэтому даже не считавшие себя марксистами и духовно восставшие против существующей системы продолжали оценивать ее в марксистских терминах, анализировать ее марксистскими методами и искать путей ее изменения в рамках марксистской схемы.

* Есть сведения о существовании там во второй половине 50-х годов нескольких подпольных организаций: "Социал-прогрессивный союз" (Гидони и др.), кружок Трофимова (Трофимов, Пустынцев, Хайбулин, Тельников), "Друзья НТС" (состав неизвестен; см. А. Дружинин. Утопия или потенция? – "Современник", № 32, с. 70. Торонто, 1976). В 65 году в Ленинграде была раскрыта молодежная марксистская группа "Колокол" (см. сб. "Память", вып. 1, с. 269-284, 477-506, Нью-Йорк, изд-во "Хроника", 1977), затем – антимарксистская молодежная организация "Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа" (ХТС, вып. 1 и сб. "ВСХСОН", Париж, Имка-пресс, 1975). Есть сведения, но недостаточно достоверные, о подпольной марксистской организации под Ленинградом, раскрытой в 69 году и состоявшей из советских и партийных работников (единственный человек из этой организации, появившийся в политических лагерях, – Ю.И. Федоров, и сведения об организации – из его объяснения существа его "дела"). Однако ни один из его четырех подельников, которые, по его словам, получили сроки по ст. 70, в лагерях так и не появился. См. ХТС, вып. 32). В 69 году была раскрыта подпольная ленинградская группа из трех человек – Мальчевский, Берг и Браун (ХТС, вып. 8,9,15 и 17), в 70 году – организация еврейских самиздатчиков ("Комитет"), в 71 году – организация из 6 человек: братья Иван и Сергей Пуртовы и др. Цели и направленность этой организации неясны (см. ХТС, вып. 23, 24, 26).

Преодоление внедренных с детства канонов мышления происходило постепенно. Общую эволюцию диссидентов от этих канонов можно проследить по всей массе самиздатских документов 60-х годов. К началу 70-х годов большинство диссидентов – бывших сознательных и бессознательных марксистов – таковыми уже не были.

Преодоление марксистских канонов мышления, я думаю, способствовало и отказу от подпольных организаций, приверженность к которым в значительной мере была данью марксистской традиции.

В самом деле, в деятельности подпольных марксистских организаций 50-х – 60-х годов не было ничего такого, для чего требовалось бы объединение в строгих организационных рамках. Члены этих организаций распространяли листовки (кружок Краснопевцева в Москве), выпускали самиздатский журнал (группа "Колокол" в Ленинграде), изучали марксизм и писали самиздатские работы (Саратов, Рязань, Горький).

Такого рода деятельности организационные рамки даже мешают, ограничивая возможность сосуществования не совпадающих полностью точек зрения, отсекая несогласных с каким-либо пунктом общей программы.

Расширение численности участников самиздатской деятельности, которой практически ограничивались и члены подпольных кружков, привело к отказу от стеснявшей ее организационной формы.

Сказанное можно распространить и на немарксистские диссидентские направления.

Национально-религиозное движение тоже началось с тайной организации – Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН).

Эта организация возникла в Ленинграде в 64 году из дружеского общения нескольких студентов. Деятельность их сводилась к сбору соответствующих книг, перепечатке их и переводам с целью взаимного ознакомления. Особенность Всероссийского союза состояла в том, что это была не марксистская, а антимарксистская организация национально-демократического толка. Но, отрицая марксизм, члены Всероссийского союза не были свободны от марксистских схем: установление нового общественного порядка они не мыслили иначе как через насильственную революцию и видели свое предназначение в том, чтобы подготовить себя к участию в ней и предложить восставшему народу модель будущего общественного и государственного устройства. Идея насильственного свержения режима и свойственная молодости романтика определили строгую конспиративность Союза: клятва при вступлении, разбивка на тройки, где каждый знает только второго члена тройки и ее старшего, и т.д.

Это не спасло Всероссийский союз от раскрытия: в 65 году один из вновь завербованных членов донес в КГБ о существовании организации. Тогда в Союзе было 10 человек. Союзу дали развиваться еще в течение двух лет и, когда в нем было 26 членов и рост его приостановился, произвели аресты.

Правозащитное движение, возникшее в 65 году, с самого начала характеризовалось гласностью выступлений его участников. Преобладающей формой выступлений, особенно на ранней стадии движения, были открытые письма – индивидуальные и коллективные.

Первой попыткой организации систематических объединенных усилий внутри правозащитного движения стал выпуск "Хроники текущих событий".

Как известно, "Хроника" выходит с апреля 68 года и до сих пор, т.е. уже одиннадцатый год. Несмотря на приверженность гласности участников правозащитного движения, редакция "Хроники" анонимна. Члены редакции в одном из первых выпусков "Хроники" объясняют ее анонимность "своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах", т. е. совершенно реальным опасением арестов (ХТС, вып. 5). Но, думаю, и здесь некоторую роль сыграла традиция подполья и его романтика, как и в обращении редакции, помещенном на обложке первого выпуска "Хроники": "Очень просим вас, используя материалы этого выпуска, не ссылаться на него и не упоминать о его существовании до появления следующего выпуска".

В вып. 5 редакция объяснила, как она мыслит механизм передачи информации в анонимное издание: "Расскажите ее тому, у кого взяли "Хронику", а он расскажет тому, у кого он взял "Хронику", и т. д. Только не пытайтесь одинолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача".

Этот принцип организации информационного потока от редакции и к редакции "Хроники" работал. "Хроника" смогла, сохраняя анонимность своих сотрудников, заметно расширить круг читателей и круг сборщиков информации за пределы московской диссидентской среды, охватить национальные движения, верующих разных направлений и даже проникнуть в круги советской бюрократии. При этом соответственно расширились и географически пределы сообщаемой "Хроникой" информации и ее тематика. В этом смысле опыт "Хроники" как информационного издания уникален. Хотя информационное издание баптистов "Братский листок" издается с 65 года, а информации крымских татар и месхов – с 64 года, их редакции собирают материал в сравнительно узкой и однородной среде, в то время как "Хроника" поставила себе задачу предельно широкого информационного охвата. Конечно, анонимность редакции затрудняет сбор информации и распространение издания, но десятилетний опыт убеждает в возможности такого решения проблемы в советских условиях. Тем не менее анонимность – довольно редкое явление в нынешнем Самиздате, так как за время его существования выяснилась неизмеримо большая привлекательность персонализированных идей и критики с открытым забралом. Но авторитету "Хроники" анонимность ее редакции не мешает, так как, в отличие от основного потока самиздатской литературы, весь смысл которой именно в оценочных суждениях, в высказывании собственного мнения, "Хроника" принципиально отказывается от оценок, и анонимность ее редак-

ции как бы подчеркивает отсутствие личных предпочтений в этом издании, где замена одних редакторов другими (главным образом, из-за арестов, которые следуют с той же периодичностью в два года, что и для подпольных организаций) происходит незаметно для читателей, так как "Хроника" остается при этом неизменной, сохраняя внешнее оформление, направление, стиль и круг тем, который меняется лишь в сторону расширения.

По образцу "Хроники" возникли информационные издания с анонимными редакциями на Украине ("Украинский вестник") и в Литве ("Хроника Литовской Католической Церкви") и информационные издания еврейского движения за выезд в Израиль ("Исход", "Вестник исхода").

К декабрю 68 года относится первая попытка создания открытой организации – Независимого союза молодежи во Владимире (ХТС, вып. 8 и др.). Союз имел цель "всемерно способствовать развитию социалистической демократии и общественного прогресса в нашей стране". Его руководитель Владимир Борисов пытался зарегистрировать эту организацию в официальном порядке. Союз разработал устав, выпустил два информационных бюллетеня. Через полгода после создания Союза Борисов был арестован, признан невменяемым и повесился в камере Бутырской тюрьмы. Союз был разогнан сразу после его ареста (ХТС, вып. 8, 9, 10, 11 и 14).

Но еще до ликвидации Союза независимой молодежи, в мае 69 года, в Москве возникла первая правозащитная независимая ассоциация – Инициативная группа по защите прав человека в СССР. Так назвали себя 15 активных "подписантов", отправивших коллективное письмо в ООН с жалобой на нарушения гражданских прав в Советском Союзе. Члены Инициативной группы и в дальнейшем продолжали эту практику.

В 70 году Чалидзе, Сахаров и Твердохлебов основали Комитет прав человека (ХТС, вып. 17). В 71 году была создана первая правозащитная организация верующих – Совет родственников узников евангельских христиан-баптистов. В 73 году появилась Группа-73 – независимая благотворительная организация помощи детям политзаключенных (ХТС, вып. 30), в 74 году – советская секция "Международной Амнистии" (ХТС, вып. 34), в 76 году – Московская, Украинская и Литовская Хельсинкские группы, а также Христианский комитет защиты прав верующих (ХТС, вып. 40, 43, 45), в 77 году – Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях (ХТС, вып. 44), Грузинская и Армянская Хельсинкские группы (ХТС, вып. 44, 46), в 78 году – Независимый профсоюз защиты рабочих, адвентистская Группа по правовой борьбе и расследованию фактов преследования верующих в СССР. Все эти независимые правозащитные ассоциации открыто декларировали свои цели и сообщали фамилии и адреса своих членов.

Резонанс деятельности открытых ассоциаций, разумеется, неизмеримо больше, чем подпольных организаций именно вследствие глас-

ности их деятельности. Это-то было ясно заранее. Но опыт открытых объединений опроверг основное возражение против них: до тех пор считалось аксиомой, что объявление о создании независимой ассоциации – акт немедленного самосаждения. Но выяснилось, что опасность такого шага вполне сравнима с опасностью активности в подпольной организации, а продолжительность жизни открытых объединений гораздо длиннее. Так, в Инициативной группе аресты начались немедленно после ее создания, и за первые два месяца были репрессированы шесть из 15 членов Группы. В течение 70-75 годов произошли еще 4 ареста, но надо сказать, что три из них – не за участие в Инициативной группе, а по делу “Хроники” (Горбаневская, Якир и Ковалев). Пять членов Инициативной группы не подвергались арестам и продолжали свою деятельность. В урезанном виде Группа существует до сих пор, т.е. почти 9 лет. То же можно сказать о советском отделении “Международной Амнистии”, которое функционирует по сию пору, и о Хельсинкских группах, в которых аресты начались через 8 месяцев после создания первой – Московской – группы и к настоящему времени арестовано 20 человек. Конечно, это ослабило группы, но они кооптировали новых членов и продолжают работу.

Я думаю, что опыт, накопленный открытыми правозащитными ассоциациями, способствовал отказу от подпольных форм организаций и участников других направлений диссидентского движения.

После разгрома ВСХСОН национально-религиозное направление сосредоточило свою активность на издании открытых литературно-публицистических журналов и сборников, где отрабатывалась доктрина этого направления. Я имею в виду журналы “Вече”, “Земля”, “Московский сборник”, “Письмо вождям” и сборник “Из-под глыб”. Ныне деятели национально-религиозного направления частично влились в христианско-демократическое течение, которое представлено Христианским комитетом защиты прав верующих – открытой правозащитной ассоциацией, работающей в контакте с Хельсинкскими группами.

В 78 году объявила о своем существовании и сообщила имена своих членов адвентистская группа по правовой борьбе, до тех пор в течение двух лет работавшая нелегально.

Опыт открытий ассоциаций был воспринят и национально-демократическими движениями Украины, Прибалтийских республик, Грузии и Армении. В национальных республиках подпольные организации возникли до 73 года, но с тех пор нет ни одной, зато во всех этих республиках появились Хельсинкские группы.

То же самое можно сказать о рабочих организациях. Рабочие тоже начинали с подпольных организаций: я имею в виду группу “Молодой рабочий” в Алма-Ате (67 год), Союз защиты прав трудящихся в Керчи, Российскую рабочую партию, пять членов которой судили в 70 году в Свердловске, Революционную партию интеллектуалистов Советского Союза – процесс в Свердловске же в 71 году (см. ХТС, вып. 33).

С 71 года тайные организации рабочих неизвестны, зато мы знаем о попытке создания открытого Независимого профсоюза защиты рабо-

чих (ХТС, вып. 48; "СССР – рабочее движение?", составитель В. Чалидзе, Издательство "Хроника", Нью-Йорк, 1978). Почти немедленный арест трех организаторов этого профсоюза привел к его распаду, но можно надеяться, что за первым экспериментом последуют другие, более зрелые, и что нарождающееся рабочее движение вольется в общее русло открытой правозащитной борьбы.

И – в заключение: отход от подпольных форм обусловлен не только признанием большей эффективности и организационных преимуществ открытых объединений перед тайными, этот переход – показатель отказа от насильственных методов, так как, разумеется, открытость предполагает мирную деятельность в рамках закона.

В программах некоторых национальных организаций – русских, украинских, литовских, эстонских и латышских, а также в программах некоторых рабочих организаций декларировалось насилие ради достижения поставленных целей. Открытые независимые ассоциации всех этих направлений заняты по существу правозащитной деятельностью. Отказ от идеи насилия участников этих направлений – показатель нравственной высоты всего современного диссидентского движения в целом.

Разумеется, расширение движения может вызвать рецидивы подпольных экспериментов: не всегда новые люди и новые социальные слои, втягивающиеся в диссидентское движение, с доверием относятся к не ими накопленному опыту. Но самостоятельные искания приведут их к выводу, ставшему несомненным для диссидентов, действовавших до 78 года, о преимуществах гласности, выступлений "с открытым забралом" и о бессмысленности насильственных акций и вообще подпольной деятельности.

**НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ В ВЕРХОВНОМ СУДЕ РСФСР
ЗАЩИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ
ПРИ КАССАЦИОННОМ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА
ПО ЖАЛОБЕ А. ПОДРАБИНЕКА**

Я не имею возможности сказать слово в защиту Саши Подрабинека в суде. Но и промолчать я не могу. Пусть эту речь услышат не судьи, а все, кто имеет не только уши, но и совесть.

В разных странах существуют разные законы – одни лучше, другие хуже, или совсем плохие. Законы можно обсуждать и критиковать (хотя в нашей стране это отнюдь небезопасно!), можно добиваться их отмены или изменения (хотя в нашей стране такая возможность предельно ограничена!). Но действующие законы подлежат исполнению не только гражданами, но и органами власти. Это один из основных принципов всякого правового демократического государства.

Если суд нарушает или игнорирует закон, то это уже не суд, а судилище, это уже не правосудие, а произвол.

Доступные мне материалы по делу Подрабинека дают основания утверждать, что действующие в нашей стране законы нарушались и нарушаются непрерывно и неуклонно с момента возбуждения уголовного дела против Подрабинека и до сегодняшнего дня.

Это не голословное утверждение, и в меру своих сил и возможностей я постараюсь доказать это.

В соответствии со ст. 3 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и ст. 3 УПК РСФСР прокурорские и следственные органы (в том числе и следственный аппарат КГБ) в случае обнаружения признаков преступления обязаны возбудить уголовное дело и действовать далее в строгих рамках процессуальных норм.

Рукопись книги "Карательная медицина" Подрабинека была изъята КГБ при обыске еще в марте 1977 г.

Стремясь добиться прекращения использования психиатрии в качестве репрессий против инакомыслящих и помогая жертвам этих репрессий и их семьям, Подрабинека всегда действовал открыто и легально.

Считая и книгу Подрабинека, и его общественную деятельность криминальной, следственные органы прибегли к непрерывной явной и тайной слежке, к шантажу, угрозам и запугиванию самого Саши и членов его семьи, действуя вне всяких предусмотренных законом процессуальных норм.

В течение месяцев Подрабинеку формально не предъявляли обвинений и пытались добиться того, чтобы он "добровольно" покинул страну, в которой родился и вырос. Нет надобности сейчас воспроизводить позорную историю преследований мужественного юноши – она еще свежа в памяти. Могу лишь напомнить, что брат Саши – Кирилл, безвинно осужденный во исполнение упомянутых угроз, и сегодня еще томится в лагере.

Только после ареста 14 мая 1978 г. Александр Подрабинец узнал, что еще 29 декабря 1977 г. против него было возбуждено уголовное дело и уже более 4-х месяцев ведется следствие. Все это время он был полностью лишен всех процессуальных прав, гарантированных законом лицу, находящемуся под следствием.

14 мая 1978 г. Подрабинец арестован. Этот арест также нельзя признать основанным на законе.

В ст. 96 УПК РСФСР содержится перечень статей Уголовного кодекса, по которым заключение под стражу в качестве меры пресечения может применяться "по мотивам одной лишь опасности преступления". Статья 190-1 УК РСФСР, по которой обвинялся и осужден Александр Подрабинец, в этом перечне не упомянута.

В соответствии со ст.ст. 89 и 91 УПК РСФСР мера пресечения вообще (а тем более в виде заключения под стражу) избирается лишь "при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется ..., или воспрепятствует установлению истины ..., или будет заниматься преступной деятельностью ..."

Подрабинец имел постоянное место жительства, работал, ранее он не судим, никогда от суда и следствия не уклонялся – таким образом не было не только достаточных, но и вообще никаких оснований заключать его под стражу до суда. Невольно возникает мысль: не сочли ли органы следствия "достаточным основанием" для ареста Подрабинека именно 14 мая то, что 15 мая начинался суд над Юрием Федоровичем Орловым?

Во всяком случае очевидно, что арест Подрабинека не был основан на непреложных требованиях закона и преследовал цель затруднить обвиняемому возможность защищаться от предъявленных ему обвинений.

В таких условиях, будучи уверен, что следствие ведется предвзято и с нарушением ст. 20 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и ст. 20 УПК РСФСР, обязывающих следователя всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела, выявляя как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, – Подрабинец отказался участвовать в предварительном следствии. Его можно понять. Но он готовился защищаться сам и с помощью адвоката в гласном открытом суде. В тюрьме он тщательно обдумывает и формулирует (с помощью адвоката) ходатайства, которые он заявит в суде. Ведь по ст. 20 УПК суд и прокурор, так же как ранее сле-

дователь, обязаны тщательно и объективно исследовать все доказательства виновности или невиновности подсудимого.

Провозглашенное в Конституции и в ст. 19 УПК РСФСР право подсудимого на защиту имеет в виду не только участие адвоката в процессе, но и обеспечение подсудимому возможности защищаться всеми средствами и способами, установленными законом.

И вот наступает день суда. День открытого, гласного, публичного суда ... Знакомая по всем предыдущим политическим процессам картина. Милицейские кордоны, отгораживающие здание суда. Многочисленные "охранники порядка" в штатском. Заранее заполненный "публикой" тесный зал суда. Толпа перед судом. Нет на этот раз в толпе только иностранных корреспондентов, которых не только в суд, но и в город не пустили.

Ходатайство Подрабиника о допуске в зал суда его друзей и знакомых, приехавших специально для того, чтобы присутствовать на суде, — привычно и немотивированно отклоняется.

Так грубо нарушается принцип гласности, провозглашенный ст. 12 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, повторенный в ст. 18 УПК РСФСР.

Обвиняемый заявляет суду двадцать семь ходатайств. Все ходатайства, кроме просьб о назначении международной психиатрической экспертизы и об истребовании актов экспертиз, проведенных английским психиатром Лоубером, поддерживает адвокат.

Суд отклоняет все ходатайства и этим самым полностью лишает Подрабиника возможности защищаться.

Это грубейшее нарушение не только основополагающих принципов уголовного процесса, установленных ст.ст. 13 и 20 Основ уголовного судопроизводства, но и нарушение конкретных ст.ст. 131 и 276 УПК РСФСР, регламентирующих условия, при которых заявленные ходатайства подлежат удовлетворению. По тексту и смыслу этих статей подлежат обязательному удовлетворению все ходатайства об истребовании и проверке доказательств, имеющих значение для дела.

Подкрепляя обвинение Подрабиника в ложных измышлениях по поводу порядков в психиатрических больницах, следователь ссылается в обвинительном заключении на "Положение о психиатрических больницах". Однако этого "Положения" в материалах дела нет. Подрабинек просит о приобщении к делу этого документа, чтобы иметь возможность на него сослаться. Суд отклоняет эту просьбу.

Подрабиника обвиняют в том, что он клеветает, утверждая, что в больницах плохое и недостаточное питание для больных. В обвинительном заключении следователь ссылается на инструкцию Министерства здравоохранения о питании больных. Этой инструкции также нет в деле, и Подрабинек ходатайствует о ее приобщении.

Суд отклоняет и это ходатайство.

Подрабинек заявляет ряд ходатайств о приобщении к делу других документов и книг, на которые ссылается обвинительное заключение.

Все эти ходатайства неизменно отклоняются.

В опровержение обвинения в клевете Подрабинек просит вызвать ряд свидетелей, которые могут подтвердить, что факты, описанные в его книге "Карательная медицина", в действительности имели место.

Суд отклоняет все ходатайства о вызове свидетелей защиты.

Ссылка на то, что большинство свидетелей, о вызове которых просит Подрабинек, являются невменяемыми и потому они не могут быть допрошены в суде, – не только голословна, но и нарушает закон:

- а) В материалах дела нет никаких документов, удостоверяющих невменяемость лиц, о вызове которых просил Подрабинек;
- б) Невменяемость – категория материального уголовного права (ст. 11 УК РСФСР) и может устанавливаться только судом, а не удостоверением того факта, что человек лечился в психиатрической больнице;
- в) Ст. 79 УПК РСФСР устанавливает обязательность проведения судебно-психиатрической экспертизы для определения психического состояния свидетеля в случаях, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

То обстоятельство, что показания свидетелей, о вызове которых просил Подрабинек, существенны для дела, не подлежит сомнению. Вот примеры, это подтверждающие:

Подрабинеку вменяется, что он "в клеветнических целях" приписывает врачам Сычевской специальной психиатрической больницы слова, которые они не произносили. В частности, по утверждению Подрабиника, врач Зеленева якобы сказал больному Белову Ю.С.: "Ты здоров и в лечении не нуждаешься".

Подрабинек просит вызвать и допросить Белова. Суд ему в этом ходатайстве отказывает. Исследование этого эпизода ограничивается допросом Зеленева (лица явно заинтересованного).

Подрабинеку вменяются клеветнические утверждения об условиях содержания больных в психиатрических больницах.

Он просит вызвать ряд свидетелей, которые могут подтвердить изложенные им в рукописи "Карательная медицина" факты. Суд все эти ходатайства отклоняет, ограничившись допросом свидетелей из числа медперсонала больниц, ответственных за "порядки" и условия содержания больных, т.е. лиц, явно и непосредственно заинтересованных в деле.

Особенно явно нарушение судом ст.ст. 20 и 276 УПК РСФСР видно на примере эпизода смерти Радченко.

Подрабинек в своей книге "Карательная медицина" писал о том, что в Казанской специальной психиатрической больнице умер больной Радченко в результате того, что ему вводили большие дозы аминазина и атропина после 30 дней голодовки. Это вменялось Подрабинеку как клевета, т.к. к делу была приобщена справка той же больницы о том,

что Радченко умер от асфиксии вследствие задушения рвотными массами.

Подрабинец ходатайствовал об истребовании и приобщении к делу истории болезни, медицинского заключения о смерти для тщательной проверки обстоятельств смерти Радченко.

Суд это ходатайство также отклонил. При этом суд не поставил перед собой и не разрешил вопросы:

- а) чем была вызвана рвота у Радченко, не явилась ли она следствием передозировки лекарств на фоне длительной голодовки?
- б) как могла произойти асфиксия рвотными массами, если Радченко находился в сознании и не был лишен возможности двигаться (ведь достаточно наклониться или просто повернуть голову в сторону)?
- в) если Радченко был в бессознательном состоянии, то чем это состояние было вызвано и почему и по чьей вине он был оставлен без надзора и медицинского наблюдения в таком состоянии?

Достаточно лишь поставить эти вопросы для того, чтобы прийти к выводу, что смерть Радченко явилась результатом по меньшей мере преступной небрежности медицинского персонала больницы.

И, ограничившись в качестве доказательства справкой этой же больницы, суд признал Подрабинека клеветником.

Безоговорочно отклоняя все ходатайства подсудимого, суд нарушает не только процессуальный закон, но и простую логику.

К делу приобщены документы "Сахаровских чтений", изложенные на итальянском языке, которым подсудимый не владеет.

Ст.ст. 201 и 236 УПК РСФСР устанавливают право подсудимого знакомиться со всеми материалами дела. Подрабинец заявил ходатайство о переводе текста документов на русский язык. Суд отклонил это ходатайство. При этом судья "утешил" подсудимого обещанием не рассматривать эти документы в судебном заседании. Неужели простая логика не подсказала судьям, что эти документы (содержания которых, очевидно, не знает и суд) могут оказаться доказательствами, оправдывающими или смягчающими вину подсудимого, и Подрабинец по закону имеет право на них ссылаться?

В соответствии со ст. 313 УПК РСФСР в приговоре суда должны найти отражение сведения о личности подсудимого, имеющие значение для дела. Это обязывает суд в свете ст. 20 УПК РСФСР не только устанавливать формальные данные из биографии, но и исследовать морально-этические стороны характера подсудимого. Особенно это необходимо по такой категории дел, как клевета, на которую способен, как правило, только человек с низким моральным уровнем и с отсутствием нравственных устоев.

Суд не интересовался, что из себя представляет Подрабинек, как личность. Десятки (если не сотни) людей, в том числе многие из тех, кого просил вызвать в суд подсудимый, могли рассказать о Саше Подрабинеке, как о человеке правдивом, не способном на компромисс со своей совестью, чутком и внимательном к людям, отзывчивом на чужую боль и горе, честном и бескорыстном. Если бы были допрошены люди, знающие Сашу, то стало бы очевидно, что клевета выходит за пределы плана его личности, что Александр Подрабинек и клевета – несовместимы.

Вопрос о том, кто обвиняется в клевете, остался за пределами судебного разбирательства ...

Подрабинек, выслушав определение об отклонении всех его ходатайств и просьб, подавляющее большинство которых было поддержано его адвокатом, убедился, что его полностью лишили возможности защищаться. Он отказался от услуг участвующего в деле адвоката.

И даже это заявление подсудимого было отклонено, несмотря на то что в силу ст. 50 УПК РСФСР отказ от адвоката в любой стадии процесса является безусловным правом подсудимого (исключения из этого правила к Подрабинеку не относятся).

Только после вторичного, в письменном виде заявленного отказа от участия адвоката в процессе этот отказ судом был принят.

И, наконец, Подрабинек заявил об отказе участвовать в судебном процессе и попросил удалить его из зала судебного заседания.

Так как суд отклонил и эту просьбу, Подрабинек, имитируя нарушение порядка (курение, насвистывание мотива арии "Тореадор ..."), добился удаления его по правилам ст. 263 УПК РСФСР.

По просьбе Подрабинека председательствующий суда обещал (устно, а не определением суда) доставить его в судебное заседание для произнесения последнего слова. Но обещание это осталось невыполненным. Доставлен был Подрабинек только для выслушивания приговора.

Итак, из участников процесса в судебном заседании остался только один прокурор. Защищаться и защищать было некому.

Такое положение обязывало суд особенно тщательно исследовать доказательства по делу, истребовать новые доказательства по своей инициативе, если оставались невыясненными вопросы, существенные для решения судьбы человека, отсутствующего в суде (хотя бы и по своему желанию) и лишенного возможности защищаться.

Но судебное заседание, и следствие, и речь прокурора, и совещание судей для обсуждения и написания приговора, и провозглашение приговора – все это вместе продолжалось всего 4,5 часа. Уже одно это обстоятельство дает основание полагать, что судом был нарушен один из основополагающих принципов уголовного процесса, изложенный в ст. 240 УПК РСФСР, – устность и непосредственность рассмотрения дела.

Физически невозможно устно и непосредственно с достаточной полнотой исследовать все материалы дела, составляющие ПЯТЬ томов, за такой короткий срок.

Мера наказания определена судом Подрабинеку также с нарушением закона.

Определяя наказание в виде ссылки на 5 лет, суд сослался на ст. 43 УК РСФСР, которая дает право суду назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом, или перейти к другому, более мягкому виду наказания. Как прямо указано в ст. 43, закон имеет в виду смягчение наказания по сравнению с минимальным наказанием, предусмотренным санкцией статьи Уголовного кодекса, по которой осужден человек.

Санкция ст. 190-1 УК РСФСР, по которой осужден Подрабинек, предусматривает три вида наказания: лишение свободы сроком до 3-х лет, исправительные работы (без содержания под стражей) на срок до 1 года и штраф до 100 рублей.

Ссылка, не предусмотренная санкцией ст. 190-1 УК РСФСР, признается законом более мягким наказанием, чем лишение свободы, но более тяжелым, чем исправительные работы и штраф.

Таким образом, низший предел наказания по этой статье – денежный штраф. Ниже этого предела идут, в соответствии со ст. 21 УПК РСФСР, – увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред и общественное порицание.

В явном противоречии с текстом и смыслом ст. 43 УК РСФСР суд назначил Подрабинеку более тяжелое наказание по сравнению с низшим пределом санкции ст. 190-1 УК РСФСР. Такое нарушение закона при назначении наказания впервые в судебной практике было допущено в 1968 г. по делу Литвинова и других о демонстрации на Красной площади в Москве в знак протеста против оккупации Чехословакии. С тех пор такое нарушение стало уже привычным в политических процессах. Но привыкнуть к нарушению закона нельзя.

Приговор провозглашен. Нарушения процессуального закона продолжают...

В соответствии со ст. 319 УПК РСФСР человек, осужденный к наказанию, не связанному с лишением свободы, подлежит немедленному освобождению из-под стражи в зале судебного заседания. Но Сашу Подрабиника под конвоем уводят в тюрьму. И сегодня он в тюрьме. Будучи осужден к ссылке, он отбывает наказание в тюрьме. И, более того, до истечения кассационного срока Саша уже был переведен в пересыльную тюрьму № 3 на Красную Пресню. Невольно подумаешь – ошибка это или свидетельство уверенности в том, что кассационное рассмотрение дела – пустая формальность и пересылки Саше не миновать? Впрочем, в истории московских судов были и такие случаи, когда до истечения кассационного срока осужденного отправляли для отбывания наказания в лагерь (дело Феликса Сереброва).

Но к нарушению закона привыкнуть нельзя.

Ст. 320 УПК РСФСР устанавливает, что осужденному, содержащемуся под стражей, копия приговора должна быть вручена не позднее трех суток с момента провозглашения.

Приговор был провозглашен 15 августа. На 30 августа есть точные сведения, что копия приговора еще не вручена.

Какие еще нарушения закона последуют по этому "обычному уголовному делу"?

Невозможность изучения подлинных материалов дела лишает права говорить о других процессуальных нарушениях. Но и приведенных нарушений, установленных мною на основании доступных мне сведений, более чем достаточно, чтобы сказать: приговор по делу Подрабиника не правосуден и подлежит отмене в точном соответствии со ст.ст. 342, 343, 345 УПК РСФСР.

Но я не могу на этом закончить свою защитительную речь. Остается самое главное. Я утверждаю, что Александр Подрабинек осужден при отсутствии в его действиях состава преступления.

Я не беру на себя смелость утверждать, что в ся информация в книге Подрабиника "Карательная медицина" (а кроме написания и распространения этой рукописи Подрабинеку ничего не вменено) точно и безошибочно отражает факты, имевшие место в действительности. Напротив, я презирую неизбежность отдельных неточностей и даже просто ошибок, которые неизбежны при тех трудных условиях, в которых Подрабинек собирал и получал информацию.

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, в рамках которой проходила деятельность Подрабиника, является свободной общественной ассоциацией, не имеет статуса юридического лица, не обладает средствами и техническим аппаратом. В атмосфере полной секретности, окружающей работу психиатрических больниц и учреждений, только своей энергичной работой с помощью других членов Рабочей комиссии и примыкающих к ней людей Подрабинек сумел за два года собрать, проверить и обработать огромный материал, выявить большое количество фактов. Достаточно указать на то, что в книге "Карательная медицина", содержание которой вменено Подрабинеку, приведено около трехсот конкретных фактов. Если только тринадцать из них фигурируют в обвинительном заключении, как не соответствующие действительности, то процент ошибок отнюдь не велик.

Но, как видно из всего сказанного по поводу нарушения процессуальных норм при расследовании и рассмотрении дела, и в отношении этих тринадцати эпизодов несоответствие действительности изложенных в рукописи Подрабиника фактов не может быть признано установленным.

Можно сослаться на такие примеры:

В своей книге Подрабинек пишет о фактах избиения больных в Сычевской специальной психиатрической больнице санитаром ДВОРЕНКО-ВЫМ САШЕЙ. Это эпизод признается клеветническим, так как к делу приобщена справка Сычевской больницы о том, что такого санитаря не было. Но при этом и в обвинительном заключении, и при допросе свидетелей говорится о санитаре ДВОРНИКОВЕ САШЕ.

Очевидно, Дворникова среди санитаров в Сычевке действительно не было, а вот был ли Дворенков и избивал ли он больных – не проверено.

Клеветой признается описание в книге Подрабиника убийства при попытке к бегству Левитина в Сычевской больнице, т.к. установлено, что такой больной в Сычевке не содержался.

Однако по вопросу убийства больного при попытке к бегству свидетели – врачи Сычевской больницы – в суде давали противоречивые показания. Врач Федоров утверждает, что случаев убийства больных не было. Врач Москальков показал, что в 1975 году при попытке к бегству был убит один больной, но он не помнит его фамилии. Это противоречие суд даже не пытался проверить и устранить. Так был случай убийства или не было? И не в фамилии ли здесь только ошибка?

Можно с уверенностью сказать, что при расследовании и рассмотрении дела с соблюдением всех процессуальных норм процент ошибочных и неточных сообщений о конкретных фактах, приведенных в рукописи Подрабиника, значительно сократился бы.

Но главное заключается не в количестве неподтвердившихся фактов.

Клевета – это распространение заведомо ложных, позорящих лицо, учреждение или государство измышлений.

Такое определение преступления, именуемого клеветой, прямо вытекает из текста закона (ст.ст. 130 и 190-1 УК РСФСР) и не оспаривается в официальной теории советского уголовного права.

Слово "з а в е д о м о", употребленное в тексте ст. 190-1 УК РСФСР, определяет с у б ъ е к т и в н у ю сторону данного преступления, которое может быть совершено только умышленно.

В официальном Комментарии к Уголовному кодексу РСФСР (изд. "Юридическая литература", Москва, 1971 г.) написано:

"Заведомо ложными, порочащими советский государственный и общественный строй, являются измышления о якобы имевших место фактах и обстоятельствах, порочащих советское общество и государство, несоответствие которых действительности известно виновному уже тогда, когда он распространяет такие измышления.

Распространение измышлений, ложность которых неизвестна распространяющему их лицу, а равно высказывание ошибочных оценок, суждений или предположений не образует преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК (стр. 403).

Этот научный, официальный комментарий полностью отражает смысл и букву закона. Никаких доказательств того, что Подрабинек умышленно распространял заведомо для него ложные сведения, в деле нет. Больше того, собирая и проверяя огромного объема информацию, он помещал в свою рукопись только то, что считал достоверным, соответствующим действительности. А это исключает состав уголовного преступления в его действиях.

Правильность такого толкования закона подтверждается тем, что за распространение не соответствующих действительности, порочащих какое-либо лицо или организацию сведений в результате ошибки или

по неосторожности (т. е. при отсутствии заведомой ложности) нашим законом установлена лишь гражданская (а не уголовная) ответственность по ст. 7 ГК РСФСР.

В "Научно-практическом комментарии к ГК РСФСР" (изд. "Юридическая литература", Москва, 1966 г.) указывается, что уголовно наказуема клевета, т. е. распространение заведомо ложных, порочащих кого-либо сведений. В отличие от этого ст. 7 ГК РСФСР применяется в тех случаях, когда распространяющий "порочащие сведения до бросовостно заблуждался, т. е. полагал, что эти сведения соответствуют действительности".

Кроме отдельных эпизодов, относящихся к психиатрии, Подрабинеку вменяется в общей форме клевета на советский государственный и общественный строй, содержащаяся в книге "Карательная медицина".

Нельзя отрицать того, что в рукописи Подрабинека содержатся отрицательные оценки некоторых сторон советской действительности, порой выраженные в достаточно резкой форме. Подрабинек не скрывает своих политических, социальных и нравственных взглядов, которые зачастую находятся в противоречии с официальной политикой, идеологией советского государства.

Защите Подрабинека нет надобности входить в обсуждение вопроса о том, правильны или ошибочны взгляды и мировоззрение Подрабинека. С правовых позиций необходимо только отметить, что в субъективных оценках и суждениях, высказываемых человеком, независимо от того, хороши они или плохи, не содержится заведомой лжи. Человек высказывает свои убеждения и считает их правильными и истинными. Следовательно, нельзя эти высказывания считать заведомо ложными измышлениями, т. е. клеветой.

В уже цитированном мною "Комментарии к Уголовному кодексу РСФСР" по этому поводу написано:

Произведениями такого рода (т. е. подпадающими под признаки ст. 190-1 УК) являются произведения, в которых высказаны или выражены заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, т. е. содержатся несоответствующие действительности сведения о якобы имевших место фактах, порочащих советское общество и государство.

Изготовление или распространение произведений, хотя и выражающих отрицательное отношение изготовившего их лица к советской действительности, но не содержащих заведомо ложных измышлений упомянутого характера, не влечет ответственности по ст. 190-1.

Право человека мыслить, иметь свои убеждения, собирать и распространять информацию — это одно из основных гражданских прав в каждом цивилизованном обществе. Это право зафиксировано в подписанных советским правительством международных документах.

Преследование за слово, за мысль, за убеждения – недопустимо. Александр Подрабинек – инакомыслящий. Он в соответствии со своими убеждениями боролся за права психически больных людей и за права здоровых людей, объявляемых сумасшедшими в политических целях. Но он не клеветник. Он действовал в пределах закона и не совершил преступления.

Вот те правовые основания, которые позволяют мне утверждать, что приговор по делу Подрабиника подлежит отмене, а уголовное дело – прекращению за отсутствием состава преступления.

4.09.78.

(С. Каллистратова)

НЕКРОЛОГ

Анатолий Якобсон

28 сентября в Иерусалиме покончил с собой поэт-переводчик и преподаватель русского языка и литературы Анатолий Александрович Якобсон, один из основателей и наиболее активных участников движения за права человека в Советском Союзе.

Анатолий Якобсон родился в 1935 году. По образованию — историк, но больше занимался литературой. Его переводы вошли в многочисленные сборники стихов европейских поэтов, издаваемых в СССР. Его книга об Александре Блоке "Конец трагедии" вместе с записями лекций о поэзии, прочитанных Якобсоном в 60-х годах московским школьникам, и статьей "Царственное слово", посвященной творчеству Анны Ахматовой, была опубликована на Западе издательством имени Чехова и широко распространялась самиздатом в Советском Союзе.

После ареста в 1965 году писателей Синявского и Даниэля Якобсон хотел выступить на их суде в качестве общественно-го защитника. После того, как стало ясно, что его к выступлению в суде не допустят, Юлий Даниэль и его адвокат обратились к суду с ходатайством вызвать Анатолия в суд как свидетеля защиты, но суд отказал и в этом. 9 февраля 1966 года, за день до начала судебного процесса, Анатолий обратился к суду с письмом, в котором призывал суд оправдать Синявского и Даниэля. Это письмо, содержащее его непроизнесенное выступление на процессе, распространялось в самиздате и впоследствии было опубликовано Александром Гинзбургом в Белой Книге по делу Синявского и Даниэля. С этого момента начинается активная правозащитная деятельность Анатолия Якобсона. Он пишет письма и статьи, посвященные защите гонимых в Советском Союзе, составляет тексты коллективных обращений, собирает под ними подписи.

После его письма в Союз журналистов СССР, в котором Якобсон проанализировал освещение советской официальной прессой процесса Галанскова, Гинзбурга и др. (опубликовано в "Процессе Четырех", Амстердам, 1971 год), Анатолию

приходится оставить любимую им преподавательскую работу в московской школе.

В 1969 году Анатолий Якобсон становится одним из основателей Инициативной группы по защите прав человека в СССР, вместе с Группой выступает в защиту преследуемых в СССР национальных и религиозных меньшинств, в поддержку требований советских политзаключенных и по многим другим вопросам. В декабре месяце того же года Анатолий принимает участие в демонстрации на Красной Площади в Москве против реставрации сталинизма.

Органы госбезопасности неоднократно задерживали Якобсона и подвергали его допросам с угрозами ареста, если он не прекратит своей правозащитной деятельности. В 1973 году эти угрозы становятся особенно реальными, когда КГБ узнает, что Анатолий составлял и редактировал "Хронику текущих событий". Кампания на Западе в его защиту предотвратила арест, но Анатолию с семьей пришлось в том же 1973 году покинуть Советский Союз. Он поселяется в Израиле, преподает русскую литературу в Иерусалимском университете, работает над книгами о творчестве Маяковского и Пастернака, публикует статьи в русскоязычной прессе в Израиле, выступает с лекциями.

Профессиональная деятельность Анатолия Якобсона как литератора и учителя русской словесности и гражданская как защитника прав человека неотделимы друг от друга и от традиции русской литературы, от "милости к павшим" Пушкина, от "Не могу молчать" Льва Толстого.

Павел Литвинов

ДОКУМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

ДЕЛО ВЛАДИМИРА СЛЕПАКА

ПРИГОВОР

21 июня 1978 года Фрунзенский районный народный суд г. Москвы в составе: председательствующего народного судьи Киселева Е.М., народных заседателей: Липина П.И. и Антоняна Л.К., с участием прокурора Холявченко Н.В., при секретаре Логотовской И.Г., рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению:

СЛЕПАКА ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА, 29 октября 1927 г. рождения, уроженца города Москвы, еврея, б/п, имеющего высшее образование, брак со Слепак М.И. расторгнут в 1976 г., не работающего, проживающего по адресу: гор. Москва, ул. Горького, д. № 15, кв. № 77, не судимого – по ст. 206 ч. 2 УК РСФСР,

У С Т А Н О В И Л:

Подсудимый Слепак В.С. 1 июня 1978 г. совершил злостное хулиганство, отличающееся по своему содержанию особой дерзостью, при следующих обстоятельствах: 1 июня 1978 года, около 16 часов, совместно со Слепак М.И., Слепак В.С. из хулиганских побуждений вывесил на выходящем на центральную улицу гор. Москвы – улицу Горького – балконе своей квартиры № 77, расположенной в доме № 15 по ул. Горького, несколько полотен с провокационной надписью и продолжал демонстрировать эти полотна, держа их в руках, несмотря на неоднократные требования работников милиции и ЖЭК о прекращении этих действий.

Когда сотрудник милиции Маринченко В.С. пытался с соседнего балкона шестом снять полотно с провокационной надписью, то Слепак схватил этот шест и сломал его, сопровождая свои действия, которые носили длительный и упорно не прекращающийся характер, угрожающими жестами, дерзкими и вызывающими выкриками, содержащими явное неуважение к обществу. Своими действиями Слепак вызвал большое скопление народа на обеих сторонах и проезжей части улицы Горького, а также временное прекращение нормальной деятельности общественно-транспортного транспорта, грубое нарушение порядка на улице и возмущение граждан.

В предъявленном обвинении Слепак В.С. виновным себя не признал и пояснил, что он демонстрировал плакаты с целью привлечь как можно больше людей и обратить на себя внимание, но это он делал не из хулиганских побуждений, а из желания таким образом добиться для себя и жены определенных результатов, связанных с действиями административных органов.

Проверив материалы дела, суд находит доказанной вину подсудимого Слепака в совершенных хулиганских действиях – показаниями свидетелей Маринченко В.С., Васильева Г.Н., Долгушина С.С. о том, что 1 июня

1978 г. около 16 часов подсудимый Слепак совместно со Слепак М.И. вывесил у себя на балконе, выходящем на ул. Горького, несколько полотен с провокационными надписями, в результате чего был нарушен общественный порядок на улице Горького, где собралось большое количество народа на обеих сторонах и проезжей части улицы, что мешало нормальному движению транспорта, создавало аварийную обстановку.

Из показаний этих же свидетелей усматривается, что все они предлагали Слепаку прекратить хулиганские действия, но он на это не реагировал, после чего они пытались пресечь хулиганские действия Слепака, при этом Долгушин требовал открыть дверь квартиры, но Слепак этим требованиям не подчинился, в связи с чем Васильев был вынужден использовать квартиру соседей, расположенную выше, откуда он снял одно полотно с указанной выше надписью с балкона Слепака, а Маринченко, находящийся на балконе квартиры соседей Слепака, пытался снять полотно с надписью с балкона Слепака длинным шестом, но Слепак сломал шест.

Свидетели Григорьев, Цветаев, Купцов, Вилков пояснили, что 1 июня 1978 г. в 16 часов подсудимый Слепак В.С. и гр. Слепак М.И. на балконе своей квартиры держали полотно с провокационной надписью, сопровождая свои действия выкриками, жестами, стараясь привлечь внимание большого количества людей, и эти действия Слепака действительно вызвали скопление большого количества народа на обеих сторонах и проезжей части ул. Горького, нарушили работу общественного транспорта и продолжались, несмотря на возмущение и требования граждан прекратить их, в течение 2-х часов.

Свидетели Силайлова И.И., Шабашов В.А. показали, что 1 июня 1978 года около 16 часов они увидели на балконе 8 этажа дома № 15 по ул. Горького подсудимого Слепака и Слепак М.И., которые держали полотно с провокационной надписью, поворачивая его так, чтобы полотно видело большое количество людей, чем старались привлечь внимание прохожих. Второе такое полотно было прикреплено на балконе. Эти действия, несмотря на возмущение и требования граждан прекратить их, Слепак продолжал длительное время, что повлекло за собой большое скопление прохожих, нарушение общественного порядка на улице и прекращение движения транспорта.

Свидетель Максимова пояснила, что 1 июня 1978 года около 16 часов ей, как технику-смотрителю ЖЭК № 1 Фрунзенского РЖУ, сообщили, что Слепак вывесил на улице Горького полотно с надписью и шестиконечной звездой, после чего она подошла к занимаемой им квартире и позвонила, требуя открыть дверь и прекратить хулиганство, но дверь ей не открыли. Тогда она поднялась в квартиру выше, открыла окно комнаты и хотела полить водой полотно, чтобы оно упало или бы на нем слилась краска, которой сделаны надписи, но в это время на балкон вышли подсудимый Слепак и Слепак М.И., державшие в руках другое полотно с такой же надписью. Они поворачивали это полотно так, чтобы надпись видела бы большое количество людей, привлекали внимание людей жеста-

ми. Она, Максимова, вновь требовала прекратить хулиганские действия, ей удалось налить на полотно немного воды, но подсудимый и гр. Слепак М.И. продолжили демонстрировать полотно длительное время, и их действия были прекращены лишь после вскрытия квартиры.

Свидетель Серпичева показала, что 1 июня 1978 г. около 17 часов она проходила по ул. Горького и увидела большое скопление народа на обеих сторонах и проезжей части улицы. Она посмотрела вверх и увидела не знакомых ей подсудимого Слепака и Слепак М.И., которые держали полотно с провокационной надписью и поворачивали это полотно так, чтобы надпись увидело побольше людей, т.е. специально привлекая внимание граждан, при этом подсудимый Слепак и гр. Слепак М.И. размахивали руками, допускали вызывающие выкрики, сопровождая их жестами, показывали кулаки, грозили, на требование прекратить хулиганские действия не реагировали.

Утверждения Слепака В.С. о том, что он хулиганских действий не совершал, а лишь своими действиями хотел привлечь внимание как можно большего числа людей, – опровергаются материалами дела.

Таким образом, из приведенных доказательств видно, что Слепак, демонстрируя полотно с провокационными надписями с целью привлечь внимание большого количества людей, совершил умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу и отличающиеся по своему содержанию особой дерзостью, ибо он знал и это для него было очевидным, что большое скопление народа на центральной улице г. Москвы повлекло за собой нарушение порядка на улице и дезорганизует работу общественного транспорта. К тому же эти действия подсудимого Слепака продолжались в течение 2-х часов, т.е. длительное время, несмотря на неоднократные требования со стороны работников милиции, ЖЭКа и граждан об их прекращении.

В связи с этим действия Слепака, являющиеся злостным хулиганством, по ст. 206 ч. 2 УК РСФСР квалифицированы правильно.

При назначении наказания подсудимому Слепаку В.С. суд считает возможным назначить ему наказание ниже нижнего предела, предусмотренного ст. 206 ч. 2 УК РСФСР, применить ст. 43 УК РСФСР.

На основании изложенного и учитывая характер совершенного преступления и сведения о личности подсудимого Слепака В.С., руководствуясь ст.ст. 301-315 УПК РСФСР, суд

П Р И Г О В О Р И Л :

СЛЕПАКА ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА признать виновным по ст. 206 ч.2 УК РСФСР и назначить ему наказание, с применением ст. 43 УК РСФСР, в виде ссылки сроком на 5 лет (пять лет).

Срок наказания Слепаку В.С. исчислять с зачетом предварительного заключения с 1 июня 1978 года. Мэру пресечения по прибытии к месту ссылки отменить, Слепака В.С. из-под стражи освободить.

Приговор может быть обжалован и опротестован в Московский городской суд в течение 7 суток со дня его провозглашения, а осужденным Слепаком В.С. – в тот же срок со дня вручения ему копии приговора.

Копия верна:

Председательствующий – КИСЕЛЕВ
нар. заседатели – подписи
народный судья – подпись
секретарь – подпись.

Гербовая печать
Министерство юстиции
РСФСР Фрунзенский
районный народный суд
г. Москвы

БИБЛИОГРАФИЯ

Поступления Самиздата

- Богораз Л. Открытое письмо президенту Академии наук СССР Александрову, 22 апреля 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Гольдштейн Г. Последнее слово на суде, март 1978 г.
- Гольдштейн Г. Автобиография, 1978 г.
- Грабанс И., политзаключенный. Заявление в адрес Президиума Верховного Совета СССР, 20 марта 1978 г.
- Другова А. Заявление в адрес Международной организации труда в связи с арестом ее мужа – И. Бегуна, 7 мая 1978 г.
- Другова А. Обращение к еврейским общинам мира и ко всем женским организациям, 8 мая 1978 г.
- Другова А. Обращение к президенту Международного олимпийского комитета лорду Килланену, 18 июня 1978 г.
- Жолковская-Гинзбург И. Заявление для прессы, 23 сентября 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Каллистратова С. "Непроизнесенная в Верховном суде РСФСР защитительная речь при кассационном рассмотрении дела по жалобе А. Подрабинек", 4 сентября 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Ковалев И. Обращение к ученым мира, к участникам 14 Международного генетического конгресса, 27 июня 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Малхазян А. Заявление в адрес Президиума Верховного Совета СССР с требованием разрешить ему выехать из страны, 1978 г.
- Матвиюк К. Прошение в адрес Президиума Верховного Совета УССР о прекращении административных гонений, продолжающихся со времени его освобождения из лагеря, май 1978 г.
- Некипелов В. Заявление на имя начальника центрального ОВИРа МВД СССР с требованием разрешения на выезд из страны, 31 июля 1978 г.
- Некипелов В. "По режимным соображениям..." – о новом отказе в разрешении на выезд из страны, 15 августа 1978 г.
- Нудель И. Последнее слово на суде, 21 июня 1978 г.
- Орлова (Валитова) И. Заявление, 1 сентября 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Пензин А.В., адвентист. "Мои хождения по мукам", май 1978 г.
- Поликанов С. Обращение к психиатрам всего мира в связи с осуждением А. Подрабинек, август 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Сахаров А. Открытое письмо в защиту Г. Гольдштейна, 8 марта 1978 г.
- Сахаров А. Обращение к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Брежневу в связи с самосожжением крымского татарина М. Мамута, 4 июля 1978 г. (опубл. наст. вып.).

- Сахаров А. Обращение к Генеральному секретарю ООН Вальдхайму и к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Брежневу о судьбе двух семей пятидесятников, находящихся в посольстве США в Москве, 6 июля 1978 г.
- Сахаров А. Обращение к послу США при ООН Э. Янгу, 6 июля 1978 г.
- Сахаров А. Обращение в связи с судами над Щаранским, Гинзбургом и Пяткусом, 15 июля 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Сахаров А. Обращение в защиту А. Болонкина, 15 августа 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Сахаров А. Заявление о Московской Олимпиаде 1980 года, 14 сентября 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- Сахаров А. Открытое письмо лауреату Нобелевской премии Мира и Нобелевской премии по химии проф. Лайнусу Полингу, 19 сентября 1978 г.
- Слепак М. Заявление о событиях 1 июня 1978 г., повлекших за собой возбуждение уголовного дела по обвинению в "хулиганстве" против нее и ее мужа Владимира Слепака, 1978 г.
- Слепак М. Телеграмма в Президиум Верховного Совета СССР о готовящихся судах над ней и В. Слепаком, 6 июня 1978 г.
- Слепак М. Два заявления на имя прокурора Фрунзенского района г. Москвы, 6 и 7 июня 1978 г.
- Слепак М. "Обращение к людям" с просьбой требовать освобождения Владимира Слепака, 8 июня 1978 г.
- Слепак М. Обращение к президенту США Дж. Картеру, 10 июня 1978 г.
- Слепак М. Заявление в народный суд Фрунзенского района г. Москвы, 26 июня 1978 г.
- Слепак М. Жалоба Прокурору г. Москвы и председателю Московского горсуда на нарушения закона при ведении следствия и судебного рассмотрения дела ее мужа В. Слепака, 29 июня 1978 г.
- Сверстюк Е., политзаключенный. Заявление в адрес Международного Красного Креста, 8 мая 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Стасив В., украинский рабочий. Обращение к трудящимся США, 1978 г.
- Черемухин С. "К июльскому пленуму ЦК КПСС" – очерк о современной деревне, 1978 г.

Коллективные произведения

- Кузнецов Э., Мурженко А., Осадчий М., Романюк В., политзаключенные. Обращение к парламенту и правительству Канады с призывом сделать все возможное для освобождения политзаключенного Д. Шумука, 1978 г.
- Группа евреев из Ленинграда. Обращение к Генеральному Прокурору СССР Руденко в защиту семьи Слепаков, 1978 г.
- 45 подписей. Обращение в связи с осуждением Гинзбурга, Щаранского и Пяткуса, июль 1978 г. (опубл. наст. вып.).
- 15 подписей. Заявление для прессы в связи с осуждением А. Подрабиника, 16 августа 1978 г. (опубл. наст. вып.).

Анонимные произведения

Запись суда над Григорием Гольдштейном, 20 марта 1978 г.
"Дело Евгения Бузинникова", арестованного в мае 1978 г. в Белоруссии по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде".
Подборка документов по делу Иды Нудель (23 документа), 1978 г.
Христиане – пятидесятники и баптисты, желающие эмигрировать. Семь обращений – в ООН, во Всемирный Совет Церквей, в Международный Трибунал, к правительству СССР, ко Всемирной организации труда, к государствам – участникам Совещания в Хельсинки, к Красному Кресту, 25 августа 1978 г.

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

Документ № 58. "Десять лет спустя" – о десятилетии оккупации Чехословакии, август 1978 г.

Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Заявление в связи с судами над Орловым, Шаранским, Гинзбургом, Пяткусом, 1978 г.

Обращение к Исполнительному комитету Социалистического Интернационала в связи с осуждением Л. Лукьяненко, 1978 г.

Информационный бюллетень № 2, март-июнь 1978 г.

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях

Информационный бюллетень № 11, 18 августа 1978 г.

Всесоюзный Совет Церкви Адвентистов Седьмого Дня

"Открытое письмо о продолжающемся произволе госатеизма в СССР", 9 апреля 1978 г.

"Открытое письмо № 2 о продолжающемся произволе госатеизма в СССР", 4 июня 1978 г.

"Избиения продолжаются", июнь 1978 г.

Официальные документы

Постановление о предъявлении обвинения Марии Слепак, 12 июня 1978 г.
Обвинительное заключение по делу Марии Слепак, июнь 1978 г.
Приговор по делу В. Слепака, 21 июня 1978 г. (опубл. наст. вып.).
Слепак В. Кассационная жалоба, июль 1978 г.

Аксельбант Д., адвокат. Кассационная жалоба по делу В. Слепака, 6 июля 1978 г.
Определение Тобольского горнарсуда о переводе Кирилла Подрабиника на тюремный режим, 7 августа 1978 г.
Обвинительное заключение по делу Григория Гольдштейна, 21 февраля 1978 г.
Гольдштейн Г. Кассационная жалоба, 22 марта 1978 г.

Повременные издания

Информационный бюллетень по делам Орлова, Гинзбурга и Шаранского, выпуск 4, май 1978 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Азерников Б.	37	Глузман С.	29,39	Ковалев И.	40,72
Аксельбант Д.	75	Гольдштейн Г.	72,74,	Ковалев С.	8,29,32,
Александров А.	25,72		75	34, 37, 39, 40, 53	
Алексеева Л.	48-54	Гольдштейн И.	10	Конквист Р.	11
Антонян Л.	68	Горбаневская Н.	53	Копелев Л.	15
Атия	44	Грабанс И.	72	Краснопевцев Л.	48,
Ахмагова А.	66	Градоболев	8		50
		Гривнина И.	22	Кузнецов Э.	28,29,
Баева Т.	15	Григорьев	69		73
Басараб Д.	33	Гримм Ю.	15	Кукобака М.	15
Бахмин В.	22			Кушцов	69
Бегун И.	72	Даниэль Ю.	66		
Белов Ю.	58	Дворенков С.	62	Лавут А.	15,22
Берг	49	Дворников С.	62	Ланда М.	10,15,22
Берс Л.	41	Девис А.	26,28	Лашкова В.	8,15
Блок А.	66	Демидов Д.	32	Левашов	8
Богораз Л.	72	Дехнич	21	Левитин	62
Болонкин А.	29,30,73	Дзядко В.	15	Лерт Р.	15
Боннэр Е.	10,15,22	Долгушин С.	68,69	Лехто	44
Боннэр Р.	15	Дрейфус А.	6,12	Липавский С.	6
Борисов В.	52	Дринфельд	44	Липин П.	68
Браун Н.	49	Другова А.	72	Лисовская Н.	15
Брежнев Л.	31,73	Дружинин А.	49	Литвинов П.	61
Бузинников Е.	74	Дымшиц М.	28	Логотовская И.	68
				Лукаускайте-Пошке-	
Валитова-Орлова И.		Жолковская-Гинз-		не О.	10
	15,19,72	бург И.	15,17,72	Лукьяненко Л.	12,14,
Вальдхайм К.	73				29,73
Васильев Г.	68,69	Закс Б.	15	Луц К.	32
Великанова Т.	10,15,	Зеленева	58		
	22	Зельтман Я.	46	Максимова	69,70
Вилков	69	Зисельс Иосиф	15	Малгранж	44
Винс Г.	29	Зисельс Ирена	15	Малхазян А.	72
Владимов Г.	8,10,15			Мальчевский С.	49
		Иванов	8	Мамут М.	31,72
Гаенко В.	15	Иванченко А.	15	Манин	44
Галансков Ю.	66	Иоффе О.	15	Маргулис	41-43
Гаруцкас, о. К.	10			Маринченко В.	68,69
Гастев Ю.	15	Каллистратова С.	10,	Масера	45
Гаяускас Б.	29		55-65,72	Матвиюк К.	72
Гидони А.	49	Капитанчук В.	22	Маяковский В.	67
Гинзбург А.	5,7-14,	Картер Д.	6,73	Мейман Н.	10,15,46
	16, 17, 27, 29, 39,	Кейтс	46	Мизякин А.	15
	47, 66, 73-75	Килланен	72	Миков	32
Гинзбург Л.	15	Киселев Е.	68,71	Москальков	21,63

Мурженко А.	29,73	Романюк В.	29,73	Утецкий М.	15
Некипелов В.	10,15,	Ронкин В.	15	Федоренко В.	29
	72	Рубцов В.	15	Федоров	33
Некрасов	16	Руденко Н.	29	Федоров	63
Никсон Р.	28	Руденко Р.	73	Федоров Ю.И.	49
Новиков С.	41	Саушкин	17	Федоров Ю.П.	29
Нудель И.	29,72,74	Сахаров А.	8,13,25,	Федорова Н.	15
			28-31,52,72,73	Филатов	6
Огурцов И.	29	Сверстюк Е.	33,73	Финкельштейн Э.	10,
Орлов Ю.	8,10,11,	Сергиенко А.	29,32		15
	13, 14, 18, 19, 26,	Серебров Ф.	61	Фокин	25-27
	27, 29, 39, 40, 46,	Серпичева	70		
	47, 56, 74, 75	Сидорков	8	Хайбулин	49
Осадчий М.	73	Синявский А.	66	Хахаев С.	15
Осипова Т.	10,15,22	Сипайлова И.	69	Хвощев	8
		Скрябин Г.	25-27	Холявченко Н.	68
Павленков В.	15	Слепак В.	29,68-71,	Хромова А.	22
Павленкова С.	15		73-75	Хэндлер Ф.	46
Пастернак Б.	67	Слепак М.	68,69,70,		
Пензин А.	72		73,74	Цветаев	69
Петренко (Подъяполь-		Слободян М.	37,39	Цыпин	6
ская) М.	15	Солженицын А.	7,11,		
Пидгородецкий В.	33		12	Чалидзе В.	52,54
Плейш А.	32	Сталин И.	45	Черемухин С.	73
Подгорный Н.	28	Стасив В.	73	Черновол В.	15
Подрабинек А.	20-24,	Стоун Д.	46		
	55-65, 72, 73	Строкатова Н.	15	Шабашов В.	69
Подрабинек К.	56,75	Стус В.	37	Шатуновская Н.	15
Поликанов С.	8,10,	Сухарто	28	Шелия	33
	15,22,24,72			Шелков В.	29
Поликанова А.	22	Твердохлебов А.	52	Шоер	45,46
Полинг Л.	73	Твердохлебова С.	15	Шумук Д.	73
Понтрягин	42,43	Тельников В.	49		
Прохоров В.	15	Терновский Л.	10,22	Щаранский А.	5-16,
Пуртов И.	49	Тимачев В.	15		27, 29, 45-47, 73-75
Пуртов С.	49	Тихий А.	29	Щелоков Н.	31
Пустынцев	49	Толстой Л.	67		
Пушкин А.	67	Тот Р.	11	Якир П.	53
Пяткус В.	5,7,10-15,	Трофимов	49	Якобсон А.	66,67
	29,73,74	Трясоумов	16	Якунин, о. Г.	10,15,
		Турчин В.	46		22
Радченко	58,59	Тытс	43	Янг А.	27,73
Романова А.	22	Тюрин	16	Ярым-Агаев Ю.	22

\$ 5.00